

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮЛЬ-АВГУСТЬ.

1902 г.

КІЕВЪ.

Типографія Імператорскаго Університета Св. Владимира
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

Полтава въ началѣ XIX вѣка.

(*Очерки по архивнымъ даннымъ съ рисунками*).

О Полтавѣ писали многіе. Наиболѣе ранній трудъ, составленный въ 1846 г., принадлежитъ Н. Арандаренку (3 части) и представляетъ нынѣ библіографическую рѣдкость; но о Полтавѣ тамъ сравнительно немногого, зато много тамъ свѣдѣній, очень интересныхъ, о полтавской губерніи, ея торговлѣ, флорѣ, фаунѣ и т. п. Второй трудъ—П. П. Бодянскаго—работа, не потерявшая значенія до сей поры. Въ ней собранъ богатый статистической матеріаль, главнымъ образомъ за 1865 годъ; здѣсь же представлены свѣдѣнія, довольно подробныя, о памятникахъ Полтавы, полтавской битвѣ и т. под. Затѣмъ слѣдуютъ труды: Богдановича, бывшаго полтавскаго вице-губернатора, и Троцкаго, внука министра юстиціи,—но оба они очень кратки и не заключаютъ въ себѣ ничего интереснаго. Послѣдней является книга В. Е. Бучневича. «Записки о Полтавѣ», вышедшая въ нынѣшнемъ году вторымъ изданіемъ. Этотъ трудъ цѣненъ по обилію матеріаловъ; все, писанное Арандаренкомъ и Бодянскимъ, вошло въ эту книжку съ добавленіемъ мелкихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ разныx брошюръ, журнальныхъ статей и т. под. Но ни одинъ изъ названныхъ авторовъ не пользовался архивнымъ матеріаломъ, находящимся въ мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Настоящая работа представляетъ попытку изображенія прошлаго Пол-

тавы исключительно по даннымъ, заимствованымъ изъ архивовъ Полтавскаго Губернскаго Правленія, Городской Думы, Губернскаго Земства, Приказа Обществ. призрѣнія и др. Конечно, мы не могли игнорировать и печатные источники, въ особенности въ тѣхъ слу-чаяхъ, когда намъ приходится говорить о предметахъ, относи-тельно которыхъ нѣть архивныхъ данныхъ, напримѣръ о монастыряхъ и другихъ полтавскихъ церквяхъ; но при этомъ, желая избѣжать повтореній, мы старались не вдаваться въ подробности. Настоящая работа обнимаетъ время управления первого генералъ-губерна-тора полтавскаго, кн. Куракина (съ 1802—1808). Это—эпоха, когда Полтава изъ скромнаго полкового городка, какимъ она была во время Гетманщины, становится губернскимъ городомъ и въ короткое время преобразовывается по новому типу. Во всей ея исторіи едва-ли можно указать другой моментъ, когда въ ней общественная, экономическая жизнь и самая физіономія города потерпѣли бы такое быстрое и рѣзкое измѣненіе, какъ именно въ эти немногіе годы. Тщательно пересмотрѣвъ всѣ архивныя дѣла за эти годы, мы убѣдились, что они даютъ возможность предста-вить довольно полную картину возрожденія Полтавы, какъ гу-бернскаго города, и вообще того состоянія, въ какомъ она была сто лѣтъ назадъ. Можно лишь пожалѣть о томъ, что многія дѣла уже извлечены изъ архива Полтавскаго Губернскаго Правленія и переданы въ Харьковъ. Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить нашу глубокую признательность бывшему губернатору А. К. Бельгардту, губернскому предводителю дворянства С. Г. Бразолю, бывшему предсѣдателю губернской земской Управы П. Д. Шкля-ревичу и городскому головѣ В. И. Трегубову, любезно предоставившимъ намъ возможность пользоваться подвѣдомственными имъ архивами.

Г л а в а I.

Учрежденіе Полтавской губ. Генераль-губернаторъ кн А. Б. Куракинъ; его біографія. Письма къ нему съ поздравленіями; „Ода“ Котляревскаго. Открытие губерніи. Новая губернскія учрежденія. Ассигнованіе дворянствомъ суммъ на эти учрежденія. Первое дворянское собраніе и его церемоніалъ по „Обряду“, нарочно составленному для этого случая.

Въ настоящемъ году, 9 марта, исполнилось столѣтіе Полтавы, какъ губернскаго города. Еще въ 1781 г., «для лучшаго управлениія всей Малороссіей», повелѣно было уничтожить въ ней старое дѣленіе на полки и раздѣлить ее на три намѣстничества: Киевское, Черниговское и Новгородъ-Сѣверское. Спустя два года Полтава была отчислена къ Екатеринославскому намѣстничеству и сдѣлана повѣтовымъ (т. е. уѣзднымъ) городомъ. Въ 1796 г., вмѣсто трехъ намѣстничествъ, была учреждена одна губернія—Малороссійская съ главнымъ городомъ Черниговомъ; къ ней отошла и Полтава съ своимъ повѣтомъ. Такъ было до 1802 года, когда изъ Малороссійской губерніи были образованы двѣ губерніи: Полтавская и Черниговская. Въ составъ первой вошло 12 повѣтовъ: полтавскій, кременчугскій, хорольскій, золотоношскій, лубенскій, гадячскій, пирятинскій, Переяславскій, прилукскій, роменскій и константиноградскій. Въ слѣдующемъ году еще было прибавлено три уѣзда: зѣньковскій, лохвицкій и новообразованный уѣздъ кобеляцкій. Первоначально существовало предположеніе сдѣлать губернскимъ городомъ не Полтаву, а Лубны, какъ центральный пунктъ, но историческое прошлое Полтавы дало перевѣсь послѣдней, и Полтава сдѣлалась губернскимъ городомъ.

Одновременно съ этимъ прежній генералъ-губернаторъ обѣихъ малороссійскихъ губерній С. К. Вязьмитиновъ былъ вызванъ въ

Сергѣй Кузьмичъ Вязьмитиновъ.

Малороссійскій военный губернаторъ ($\dagger$ 15 окт. 1819 г.).

Петрбургъ и занялъ другой постъ, а его преемникомъ въ февралѣ 1802 года былъ назначенъ дѣйств. тайный совѣтникъ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ.

Князь Куракинъ родился 19 сентября 1759 года. Онъ былъ правнукомъ Бориса Ивановича Куракина, свояка Петра В., и внучатнымъ племянникомъ гр. Панина; его родной братъ Александръ воспитывался вмѣстѣ съ цесаревичомъ Павломъ Петрови-чесмъ. Знатность рода и большія связи способствовали быстрому возвышенію его на службномъ поприщѣ. По обычаю того вре-

мени, кн. А. Б-чъ началъ службу въ гвардіи, но скоро перешель въ канцелярію генераль-прокурора кн. Вяземскаго. Получивъ зва-

Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ.

ніе камергера и чинъ тайного советника, онъ быль назначенъ главнымъ директоромъ Ассигнаціоннаго Банка, затѣмъ генераль-прокуроромъ, министромъ удѣловъ и казначеемъ Россійскихъ орденовъ. Въ началѣ 1802 г., какъ мы сказали, онъ быль назначенъ малороссійскимъ генераль-губернаторомъ и управляющимъ гражданскою частью въ обѣихъ губерніяхъ. На этомъ посту онъ пробылъ до 1808 года, когда получилъ назначеніе на постъ ministra внутреннихъ дѣлъ. Послѣдняя служба его была въ должностіи предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Скончался онъ 30 декабря 1829 года.

Не успѣль еще князь прибыть въ Полтаву, какъ многія лица изъ администраціи Полтавы и Чернигова поспѣшили поздравить князя, желая заручиться его расположениемъ. Полтавскій губернаторъ Сонцевъ, знаяшій кн. Куракина по Петербургу, писалъ ему: «Sie назначеніе сколь душевно меня обрадовало, столь же не менѣе подкрѣшило упованіе мое въ таковомъ же милостивомъ и благодѣтельномъ вашего сіятельства расположенію ко мнѣ, како-вымъ я всегда и при всякомъ случаѣ пользовался. Я же смѣю, сіятельнѣйшій князь, съ своей стороны, совершенно увѣрить, что и теперешнему начальству вашего сіятельства надо мню, сверхъ еще обыкновенного по службѣ долга, потщусь всегда доказать съ крайнимъ усердіемъ ту самую преданность и глубочайшее высокопочитаніе. Не смѣю, васъ, малостивый мой князь, поздравлять, по крайней мѣрѣ себя и свою землю поздравляю съ начальникомъ вашихъ достоинствъ». Въ такомъ родѣ не мало было отправлено посланій князю, главнымъ образомъ отъ черниговцевъ: Милородовича, президента казенной палаты Руновскаго и др.; но всѣхъ превзошелъ черниговскій прокуроръ Прусовецкій. «Съ душевнымъ порадованіемъ освѣдомился я,—писалъ онъ,—что по высокомонаршей волѣ ваше сіятельство опредѣлены въ Малороссію генераль-губернаторомъ. Зная любопытный вашего сіятельства духъ къ предметамъ службы, долгомъ считаю препроводить у сего двѣ выписки: первую изъ правъ Статута, употребляемыхъ въ первомъ департаментѣ Генеральнаго Суда, а вторую о законахъ, коими руководствуется второй департаментъ Генеральнаго Суда». Кн. Куракинъ тотчасъ же отвѣтилъ прокурору и поблагодарилъ его за «поспѣшное доставленіе двухъ выписей изъ статутовыхъ правъ, совершенно могущихъ меня руководствовать къ познанію, нужному при новомъ вступленіи моемъ въ управлениѣ губерній малороссійскихъ. Письмо это князь закончилъ не безъ ироніи: онъ обѣщалъ прокурору доказать на дѣлѣ «опыты своего вниманія къ усердной службѣ»¹⁾.

¹⁾ Арх. Губ. Правл., по описи № 113.

Кн. Куракинъ быль, несомнѣнно, видный дѣятель. Необыкновенно трудолюбивый и хорошо образованный, онъ вникалъ во все и обладалъ большой настойчивостью и инициативой. Очень ласковый въ обращеніи, обходительный, доступный, онъ быль весьма требователенъ, всегда опирался на законъ и преслѣдовалъ нарушенія его. Аристократъ по рожденію, онъ быль истиннымъ вельможей, любилъ роскошную жизнь, обстановку и нерѣдко дававалъ раскошные обѣды, на которые удостоивались приглашенія высшіе чины администраціи и суда. И. П. Котляревскій, извѣстный малорусскій поэтъ, проживавшій въ то время въ Полтавѣ послѣ выхода въ отставку, посвятилъ князю похвальную «Оду», долго ходившую въ рукописныхъ спискахъ. П. А. Кулишъ, впервые напечатавшій ее,¹⁾ находилъ, что она наполнена грубою лестью; но съ этимъ трудно согласиться. Несомнѣнно, что въ ней есть и преувеличеніе заслугъ кн. Куракина (иначе она не была бы одой въ томъ смыслѣ, какъ тогда понимали этотъ родъ лирики), но въ общемъ Котляревскій былъ правъ, когда хвалилъ князя за его трудолюбіе, правосудіе и защиту слабыхъ. Будучи личнымъ свидѣтелемъ дѣятельныхъ заботъ кн. Куракина о вдовахъ, сиротахъ, обѣ устроившій больницу и т. под., Котляревскій могъ совершенно искренно желать, чтобы онъ, какъ можно долѣе, оставался правителемъ края, о нуждахъ котораго такъ заботился.

Будь здворъ изъ новымъ годомъ
И надъ нашымъ ще народомъ,
Ще хоть трохы попануй...
Трохы!.. ой, колы бъ багацько!..
Бо ты намъ и панъ, и батько...

Котляревскій пользовался расположениемъ и преемниковъ кн. Куракина, Лобанова-Ростовскаго и Рѣпнина; при послѣднемъ онъ вновь поступилъ на службу надзирателемъ въ домъ для воспитанія бѣдныхъ и быль попечителемъ богоугодныхъ заведеній; кн. Рѣпнинъ также очень сочувственно къ нему относился,—и

¹⁾ Въ «Основѣ», 1861 г., Янв. 251—255.

однако, поэтъ не посвятилъ имъ ни одной строки. Это доказываетъ, что написанная имъ ода была внушена ему вовсе не угодливостью или низкимъ искательствомъ, а дѣйствительно чувствомъуваженія къ заслугамъ его героя. Дальнѣйшее изложеніе должно подтвердить нашу мысль.

Торжество открытия Полтавской губерніи проходило 9 марта 1802 года, въ то время, когда кн. Куракинъ еще не успѣлъ прибыть изъ Петербурга; его мѣсто пока заступалъ губернаторъ Сонцевъ. Городничій Значко-Яворскій оповѣстилъ всѣхъ жителей города о готовящемся торжествѣ, а городской голова, купецъ Яковъ Кищенко отправилъ приглашеніе мѣстнымъ купцамъ и мѣщанамъ, въ которомъ писалъ, между прочимъ: «благоволите къ сему слушаю, для принесенія при отправленіи въ здѣшней соборной церкви божественной літургіи и молебствія о здравії Его Императорскаго Величества и всей высочайшей фамилії одѣть себя чисто, какъ долгъ требуетъ, и явиться въ полтавскую Думу завтрашній день, съ полуночи въ седьмомъ часу; буде же кто не явится по собственному своему уклоненію, то съ таковыми поступлено будетъ по законамъ»¹⁾). На торжество съѣхались дворянѣ со всей губерніи, вмѣстѣ съ уѣздными маршалами. Оно открылось рѣчью губернатора²⁾, послѣ чего все дворянство, духовенство и жители направились въ Успенскій храмъ къ літургіи, по окончаніи которой быль отслуженъ молебень и прочитано высочайшее повелѣніе объ открытии губерніи. Богослуженіе совершилъ архимандритъ Крестовоздвиженскаго монастыря Феодосій, какъ старшій среди полтавскаго духовенства (епископы полтавскіе жили тогда въ Переяславѣ). Изъ церкви всѣ присутствовавшіе отправились въ назначенное помѣщеніе, где и было провозглашено губернаторомъ объ открытии въ Полтавѣ губернскаго

¹⁾ Гор. Архивъ 1802. № 50 (вторая связка) и № 475, а самый церемоніаль всѣхъ чиновъ по гг. учрежденіямъ и порядокъ слѣдованій въ храмъ хранится въ архивѣ полиціи. Не печатаемъ, такъ какъ онъ не представляетъ особаго интереса.

²⁾ Рѣчь эта напечатана въ Полт. губ. Вѣд. 1864, № 5.

правлениія, казенной палаты, генерального суда и приказа общественного призрѣнія—четырехъ учрежденій, необходимыхъ въ то время для губернского города.

Торжество сопровождалось обѣдами. 9 марта былъ сервированъ у губернатора столъ на 100 кувертовъ, а вечеромъ былъ концертъ и ужинъ. Вечеромъ была иллюминація. Спустя три дня, 12 марта, конотопскій маршалъ Кочубей давалъ обѣдъ, а затѣмъ дворянство, духовенство и купечество чествовали обѣдомъ губернатора. По случаю открытия губерніи, городской голова Яковъ Кищенко, бургомистръ, городского магистрата Яковъ Лакашенко, купецъ Илья Прокофьевъ, будущій преемникъ Кищенка, простили долги, правда, небольшіе и векселя представили губернатору.¹⁾.

Скажемъ нѣсколько словъ о новооткрытыхъ губернскихъ учрежденіяхъ. Казенная палата вѣдала всѣ доходы казны, по всѣмъ сборамъ и повинностямъ, и ревизовала всѣ отчетности. Составъ ея былъ не великъ. Начальникомъ ея былъ вице-губернаторъ, называвшійся иначе вице-президентомъ палаты и получавшій жалованья 1200 р. асс.²⁾. Помимо его, было три совѣтника 6-го класса, съ содержаніемъ по 600 р., губернскій казначей (600 р.) и ассесоръ (400 р.). Вотъ и весь составъ каз. палаты, не считая канцеляріи, составъ которой былъ въ зависимости отъ усмотрѣнія начальника, на что отпускалось 5 тыс., считая въ этой суммѣ и расходъ на прислугу, канцелярскіе расходы, наемъ помѣщенія и т. под. Еще въ палатѣ было 4 присяжныхъ изъ отставныхъ гвардейскихъ или армейскихъ унтеръ-офицеровъ, получавшихъ содержанія по 80 р. въ годъ.

Генеральный судъ состоялъ изъ двухъ департаментовъ: одинъ вѣдалъ дѣла уголовныя, другой—гражданскія. Такъ было до 1831 года, когда генер. судъ былъ переименованъ въ уголовную и гражданскую палаты. Въ каждомъ департаментѣ засѣдалъ гене-

¹⁾ Арх. Г. Правл. 1802, по описи № 115.

²⁾ Деньги считались въ то время на ассигнаціи. Чтобы перевести на серебро, надо сумму раздѣлить на 7 и умножить на 2. Т. обр. 1 р. асс. будетъ $28\frac{1}{2}$ к. сер.

ральный судья,—мѣсто, на которое мѣняли въ то время должность губернскіе предводители дворянства; онъ получалъ содержанія 1200 р. ассигн. При немъ было два совѣтника 6-го класса, съ жалованьемъ по 600 р. и секретарь—360 р.; помимо этихъ должностей, были и выборные отъ дворянства, въ числѣ 8, получавшіе и содержаніе отъ того же дворянства. Нельзя сказать, чтобы судъ того времени былъ отягощенъ работою: со дня его открытія до 1-го марта 1804 года, т. е. за два года, въ него поступило изъ повѣтовыхъ судовъ, городовыхъ магистратовъ и ратушъ всего 327 дѣлъ. Замѣтимъ, что генеральный судъ разбираль дѣла по аппеляціямъ ¹⁾.

Прокуратора состояла изъ губернского прокурора 6-го класса, съ жалованьемъ 600 р. и двухъ стряпчихъ—одного для уголовныхъ и другого для гражданскихъ дѣлъ. Каждый изъ нихъ получалъ по 360 р.

Губернское правленіе вѣдало дѣла, касающіяся общаго благоустройства въ губерніи, народное продовольствіе, промышленность и, вообще, должно было «содѣйствовать всѣмъ другимъ управлениямъ въ исполненіи законовъ и понуждать подчиненный ему мѣста и лица къ исполненію ихъ обязанностей». Здѣсь предсѣдательствовалъ губернаторъ и присутствіе составляли еще три совѣтника (одинъ назывался старшій) и ассесоръ. Губернаторъ получалъ жалованья 3000 р., а совѣтники по 600 р. секретарь 360 р. При губернскомъ правленіи, по мысли кн. Куракина, въ 1804 г. была учреждена особая «экспедиція» для заувѣданія постройкой казенныхъ зданій ²⁾. Отдѣльнымъ учрежденіемъ при губернскомъ правленіи была медицинская или врачебная управа, вѣдавшая медицинскую часть въ губерніи. Во главѣ ея стоялъ инспекторъ, или штадтъ-физикъ, получавшій жалованья 700 р. и при немъ еще два врача: операторъ и акушеръ (по 500 р.), а также и двѣ повивальныя бабки, одна старшая

¹⁾ Арх. губ. Правл. по описи № 200, 1804 г. листъ 36.

²⁾ Арх. Г. думы 1804 г. № 199.

сь окладомъ 120 р., а другая младшая—80 р. Все же содержание управы обходилось въ 2260 р. ассиг. ¹⁾

Наконецъ, четвертымъ учрежденіемъ, открытымъ 9 марта 1802 г., былъ Приказъ общественнаго призрѣнія, существовавшій до введенія земскихъ учрежденій. Вѣдѣнію его подлежали, главнымъ образомъ, дѣла благотворительности, какъ призрѣніе и воспитаніе сиротъ, устройство госпиталей, богадѣленъ, аптекъ, «работныхъ и смирительныхъ» домовъ и т. п. Дѣлился онъ на два отдѣленія; въ одномъ было 4 стола, въ другомъ 2. Въ общемъ присутствіи былъ непремѣнныи членъ, назначаемый отъ правительства, два депутата отъ генерального суда, начальники отдѣленій и секретарь. Содержаніе ихъ было не болѣе 600 р. и то эту сумму получалъ непремѣнныи членъ. Все же содержаніе приказа обходилось въ 5050 р. с. ²⁾

На всѣ эти учрежденія, помимо казны, ассигновало суммы (на основаніи указовъ отъ 18 декабря 1797 и 28 марта 1799 г.) еще и дворянское сословіе. Всего дворянство отпускало 46263 р.; они расходовались на жалованье генеральнымъ судьямъ, на содержаніе 12-ти низкихъ земскихъ судовъ, на губернскаго и уѣзднаго землемѣра, врачебную управу, губ. архитектора и проч. Дворянство не всегда аккуратно вносило эти деньги, и шестью депутатами, засѣдавшими въ генеральному судѣ, была даже подана жалоба на это генераль-губернатору. Князь Куракинъ ходатайствовалъ передъ высшею властью о разрѣшеніи примѣнить къ дворянству «дѣйствіе полиціи и способы законовъ, на собраніе казенныхъ доходовъ предоставленныя». Ходатайство это было разсмотрѣно Сенатомъ, который нашелъ, что возможно примѣнить къ дворянамъ «установленные закономъ на таковые случаи способы.» Но до этого не дошло. Надо сказать, что отъ дворянства требовались тогда большиe взносы, что сознавалъ князь Куракинъ и ходатайствовалъ передъ Государемъ объ ассигнованіи

¹⁾ Ар. г. правл. по описи № 116 и Законоположенія 1802 г. № 3 Апр. П. Г. Земства.

²⁾ Апр. г. Земства 1808 № 1808 etc.

изъ казны на каждый земскій судъ по 500 р. с. Да и само дворянство, въ первомъ же собраніи, 27 іюня 1802 г. рѣшило ходатайствовать о принятіи на счетъ казны содержанія повѣтовыхъ и подкоморныхъ судовъ¹⁾.

Это собраніе, какъ мы сказали, было первымъ по открытіи губерніи. Оно было обстановлено очень торжественно, что было въ духѣ самого кн. Куракина. По этому случаю былъ составленъ особый «Обрядъ выборамъ малороссійской полтавской губерніи благородного дворянства въ городѣ Полтавѣ». Этотъ любопытный документъ, состояцій изъ 9 параграфовъ, довольно подробно регламентируетъ всѣ дѣянія дворянства. Наканунѣ дня выборовъ, т. е. 26 іюня, необходимо было доставить списки прибывшихъ въ Полтаву дворянъ. Въ день выборовъ, въ 8 ч. утра, всѣ дворяне должны были явиться въ квартиру генералъ-губернатора, где полтавскій губернаторъ, тайный совѣтникъ Сонцевъ вручаетъ губернскому маршалу вѣдомость о селеніяхъ, по новому разсчиленію «въ каждый повѣтъ приписанныхъ». Церемоніей майстры затѣмъ разставляютъ въ залѣ всѣхъ дворянъ, группируя ихъ по уѣздамъ, а посреди ихъ долженъ быть помѣститься губернскій предводитель. Когда всѣ займутъ назначенные имъ мѣста, губернскій предводитель отправляетъ двухъ уѣздныхъ предводителей, по своему выбору, доложить князю, что дворяне ждутъ его прибытія. Немедленно выходитъ князь, сопровождаемый губернаторомъ и другими властями. Принявъ списокъ прибывшихъ дворянъ, губернскій предводитель, какъ сказано въ § 4, представляетъ князю, по силѣ Высочайшаго учрежденія, для почести его, отъ каждого уѣзда по одному молодому дворянину, которые съ此刻а момента должны составлять почетную свиту князя. Указавъ причину созыва дворянъ, генералъ-губернаторъ приглашаетъ всѣхъ отправиться въ соборъ, благовѣсть въ которомъ долженъ начаться въ 8 ч. утра. Въ соборѣ этомъ разставляютъ дворянъ группами по уѣздамъ и даютъ знать князю, по прибытіи котораго только начинается литургія. Послѣ ея окончанія, по приказанію генераль-губернатора, входить на первую ступень амвона прокуроръ и читаетъ Высочайший указъ о созывѣ дворянъ Полтавской губ.

¹⁾ Арх. губ. Правл. 1802 по описи № 2.

бернії. Затѣмъ слѣдуетъ молебенъ, а послѣ него губернскій стряпчій читаетъ изъ Высочайшаго учрежденія статьи, «приличныя къ выбору», послѣ чего дворянъ приводятъ къ присягѣ, текстъ которой читаетъ не духовное лицо, какъ нынѣ, а секретарь дворянства. Послѣ этого, дворяне приглашаются пожаловать 28 іюня въ 8 ч. утра въ залъ собранія для пазначенныхъ выборовъ, а «приглашенные къ столу отправятся въ домъ генералъ-губернатора». Мы уже говорили, что князь Куракинъ жилъ роскошно и былъ очень богатъ, что и давало ему возможность обставить себя по-барски, и на жалованье, получаемое имъ—всего 6 тысячъ—жить такъ нельзя было даже въ то время.

Очень интересенъ въ этомъ «Обрядѣ» 9-й пунктъ. «По возвращеніи изъ церкви—читаемъ мы,—губернскій маршалъ съ двумя повѣтовыми маршалами представитъ къ господину генералъ-губернатору для принесенія всеподданнической благодарности Его Императорскому Величеству за высокомонаршія милости, дворянству дарованныя, и подаетъ при этомъ списокъ депутатовъ, почему генералъ-губернаторъ обнадеживаетъ ихъ, что о семъ не оставить донести Государю». Но желаніе дворянъ не осуществилось. Спустя мѣсяцъ кн. Куракинъ получилъ слѣдующее письмо отъ императора Александра I: «Усмотрѣвъ изъ донесенія вашего о желаніи малороссійскаго полтавскаго дворянства отправить ко мнѣ депутацию для принесенія благодарности за установленіе ихъ выборовъ на общемъ всѣхъ губерній положеніи, Я поручаю вамъ изъявить имъ за сіе мою признательность и въ то же время объявить имъ, что, бывъувѣренъ, въ благонамѣренности ихъ и усердіи, исполненіе желанія я считаю для нихъ отлагательнымъ, а для себя излишнимъ. Пребываю вамъ благосклонный. Александръ»¹⁾.

Собраніе дворянъ было открыто рѣчью генералъ-губернатора. Всѣхъ дворянъ присутствовало 438 чел. Продолжалось оно довольно долго. По этому «Обряду» никто изъ дворянъ не имѣлъ права оставить городъ безъ разрѣшенія генералъ-губернатора, который только 3 іюля отправилъ бумагу губернскому предводителю о разрѣшеніи дворянамъ разѣхаться по домамъ.

¹⁾ Арх. Г. Правл. 1802. № 128.

Г л а в а . II.

Площадь, занимаемая Полтавой въ 1802 году. Число жителей. Отзывы о ней путешественниковъ: Зуева, графа Сегюра, Сумарокова и кн. Долгорукаго. Памятникъ, сооруженный Руденкомъ въ память полтавской битвы. Картина полтавской битвы Патрикія Балабина. Подземелья въ Полтавѣ. Остатки украшеній и описание бастіоновъ. Полтавскія церкви и монастырь.

Полтава, въ моментъ открытия губерніи, была небольшимъ городкомъ, похожимъ больше на большую деревню, чѣмъ на городъ. При вѣзда въ городъ было немало вѣтряныхъ мельницъ, что уже служило признакомъ скорѣе деревни, чѣмъ города. Городъ занималъ площадь нынѣшняго Подола, затѣмъ отъ собора до Срѣтенскаго храма, гдѣ въ то время было кладбище, остававшееся здѣсь до 1825—30 годовъ, и затѣмъ тянулся вдали нынѣшней Петровской площади, до нынѣшняго института, гдѣ стояла небольшой домикъ, принадлежавшій С. М. Кочубею. Центръ города и лучшая его часть была около Спасскаго храма, гдѣ былъ гостинный дворъ и лавки. Вокругъ Полтавы не мало было разбросано поселковъ, хуторовъ, вошедшихъ затѣмъ въ черту города. Изъ этихъ предмѣстій, сохранившихся до сей поры, были Павленки, гдѣ въ то время было 397 д. м. пола, платившихъ подати, и Кривохатки, гдѣ было 163 д. почти исключительно крестьянъ Крестовоздвиженскаго монастыря. При рѣчкѣ Рогизной (пынѣ ся нѣть) былъ поселокъ, гдѣ жило 11 д. крестьянъ, вошедшихъ въ ревизію. Трибы, представляющія теперь только лѣсь, гдѣ имѣется одна хата для сторожа, въ то время были хуторомъ, съ населеніемъ.

ніемъ въ 140 душъ. Кругомъ Полтавы, мы сказали, были расбросаны поселки, принадлежавшіе по преимуществу козакамъ и коз. крестьянамъ. Было не мало и дворянскихъ земель, но безъ усадебъ. Въ Полтавѣ въ то время было 7975 жителей, изъ коихъ муж. пола 4063, а женскаго 3912. По составу населеніе распредѣлялось такъ: помѣщичыхъ крестьянъ было 412 д., козаковъ 300, ремесленниковъ 300, остальные были разночинцы, дворяне, мѣщане и т. п. Замѣчательно, что еврей бытъ только одинъ, а иностранцевъ совсѣмъ не было¹⁾.

Первое описаніе Полтавы конца XVIII в. мы находимъ въ запискахъ Василія Зуева, посѣтившаго Малороссію въ 1782 г., когда Полтава была еще повѣтовымъ городомъ Новороссійской губерніи. «Это,—пишетъ Зуевъ,—небольшой городокъ, съ 1000 деревянныхъ, низкихъ, но чисто снаружи выбѣленныхъ домиковъ, изъ которыхъ всего 2 или 3 каменныхъ. «Лучшій домъ, каменный, принадлежалъ Руденку (гдѣ нынѣ Губ. Земская Управа), пріобрѣтенный потомъ Куракинымъ за 12 тысячъ²⁾.

Нѣсколько позже Зуева былъ въ Полтавѣ графъ Сегюръ, французскій посланикъ при русскомъ дворѣ, сопровождавшій Императрицу Екатерину II въ ея путешествіи по югу Россіи въ 1787 г. «Полтава,—говорить онъ,—небольшой городокъ, худо украшенный и мало населенный, не представляетъ вниманію ни одного замѣчательнаго зданія»³⁾. Сумароковъ, бывшій въ Полтавѣ въ годъ открытия губерніи, такъ рисуетъ ее: «Полтава бѣдный и маленький городишко, въ которомъ нѣть ни правильныхъ улицъ, ни порядочныхъ строеній»⁴⁾. Такого же мнѣнія о Полтавѣ и кн. Долгорукій, который при этомъ замѣчаетъ: «Но сколько слав-

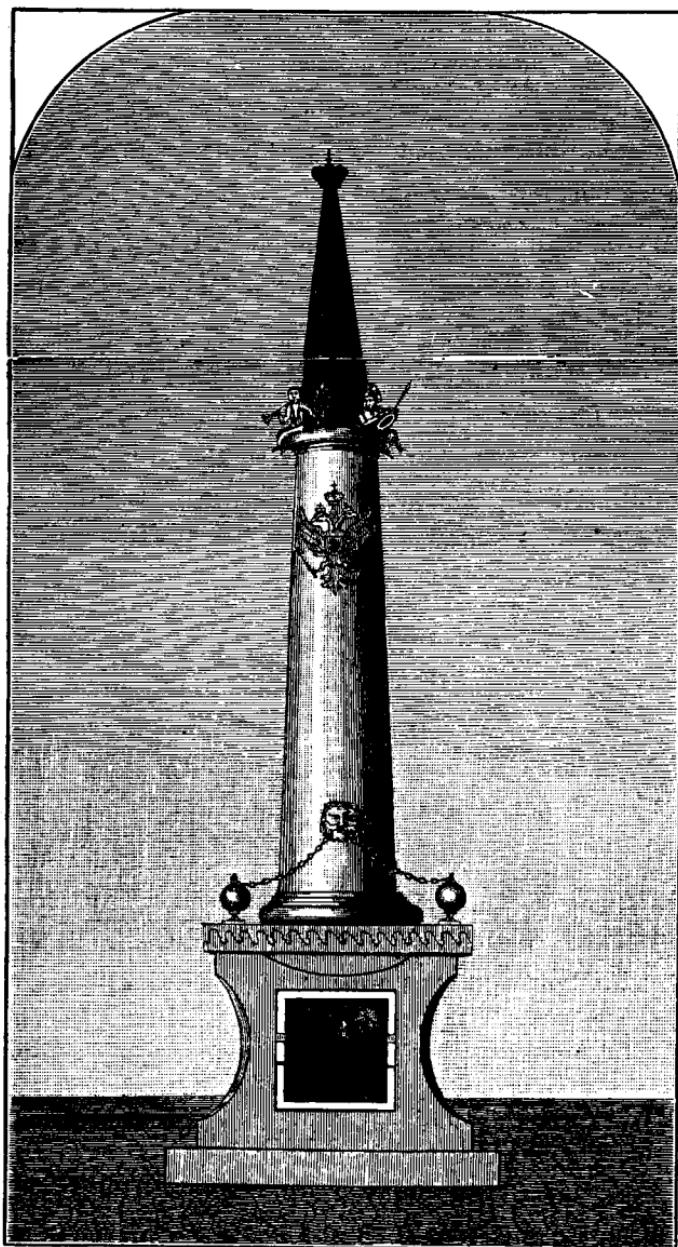
¹⁾ Полт. Губ. Вѣд. 1848 г., № 5.

²⁾ Путешественныя записки Василія Зуева отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 году. СПБ. 1787 г.

³⁾ Записки Сегюра, стр. 23.

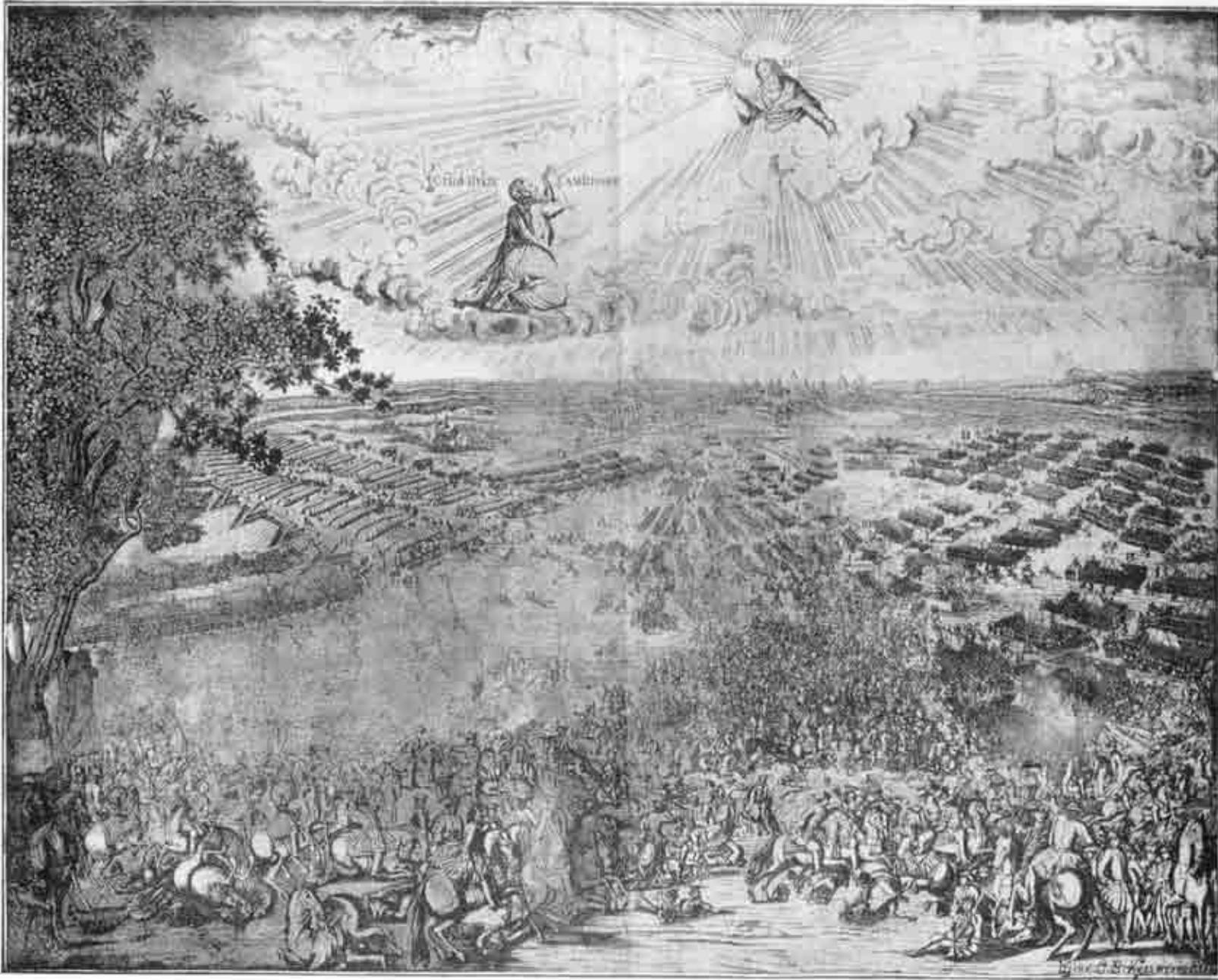
⁴⁾ Досуги крымскаго судьи, или 2-е путешествіе въ Тавриду. Павла Сумарокова. СПБ. 1803 г.

венъ городъ (по историческимъ воспоминаніямъ), столько дуренъ въ натурѣ. Баталіи прославить могутъ мѣсто, дать ему громкую похвалу въ дѣлописаніяхъ, но сдѣлать городомъ красивымъ, знатнымъ—одна сильна торговля, а здѣсь какої быть?»¹⁾....

Первый памятникъ полтавской битвы, сооруженный полтавскимъ обывателемъ Руденкомъ.

¹⁾ Долгорукій. Славны бубны за горами, стр. 65.

Изображеніе Полтавскаго боя на мѣдной доскѣ, хранящейся въ Воскресенской церкви.

Таковы отзывы современниковъ о тогдашней Полтавѣ. Единственнымъ украшеніемъ Полтавы былъ памятникъ полтавской битвы, воздвигнутый Руденкомъ (Зуевъ неправильно приписываетъ его Марченку). Руденко соорудилъ его на свой счетъ въ память того, что Петръ В. освободилъ его отца изъ шведскаго плѣна. Онъ былъ поставленъ недалеко отъ Воскресенской церкви. Это былъ каменный столбъ, оштукатуренный, съ изображеніемъ у основания двухъ сидящихъ юношъ въ римскихъ одѣяніяхъ, а на верху памятника было большое вызолоченное яблоко. Въ пьедесталѣ его была вставлена мѣдная доска, на которой былъ изображенъ полтавскій бой граверомъ Академіи Художествъ Патрикіемъ Балабицкимъ. Одинъ психически-больной, проходя мимо памятника, испортилъ топоромъ два изображенія, послѣ чего картину сняли и помѣстили въ Воскресенскомъ храмѣ, гдѣ имѣется предѣлъ во имя Сампсонія Страннопріимца, сооруженный тѣмъ же Руденкомъ. Картина эта величиною въ два квадратныхъ аршина. На ней слѣдующая надпись:

Полтавской брани видъ являеть сей металль,
Какъ въ день Самисоновъ, Карлъ сраженъ Петромъ,
низпалъ;

Руденко гражданинъ усерднѣйшій Полтавы,
Котораго отецъ въ сей самой битвѣ былъ
И вольность чрезъ Петра изъ плѣна получилъ.
Въ благодареніе Всевышнему Сіону,
Устроилъ каменный священный храмъ Сампсону,
Въ хвалу жъ Петровыхъ дѣлъ, грядущихъ въ память
дней.

Средь стѣнъ отечества поставилъ образъ сей.

Затѣмъ слѣдуетъ годъ сооруженія (1778). Памятникъ этотъ былъ, какъ мы сказали, украшеніемъ («единымъ трофеемъ», какъ выразился Сумароковъ) нашего города, а въ 1766 г. жители жаловались, что Полтава «никакихъ публичныхъ строеній и при-

личнаго украшения не имѣть»¹⁾. Картина, бывшая на этомъ памятникѣ, есть точная копія съ современной гравюры Дени младшаго съ тѣмъ только различiemъ, что Балабинъ на верху картины своей помѣстилъ молящагося св. Сампсонія Страннопріимца, празднуемаго 27 іюня, въ день полтавской бatalіи.

Старая часть Полтавы, особенно Петровская площадь, и пынѣ еще изрыта въ разныхъ направленіяхъ подземными ходами. Ихъ называютъ минами. Ходы эти идутъ на глубинѣ 3—6 саженей отъ поверхности земли своеобразными корридорами, высота которыхъ въ ростъ человѣка, ширина же въ 3 и болѣе аршина. Иногда въ нихъ встрѣчаются окна, въ видѣ круглой воронки, которыя, вѣроятно, служили для удаленія подземныхъ газовъ и соединялись между собою отверстіями, продѣлаными въ земляныхъ простѣнкахъ, сквозь которыя свободно могъ пролѣзть человѣкъ. До сей поры въ этой части города появляются провалы, какъ это было и въ нынѣшнемъ году, недалеко отъ собора. Среди полтавцевъ распространено мнѣніе, что мины эти проведены шведами съ цѣлью взорвать крѣпость, которую они такъ долго и упорно осаждали въ 1709 году; но съ этимъ трудно согласиться. Шведы не могли въ короткій срокъ осады устроить подобныя многочисленныя мины, тянущіяся на довольно большое разстояніе. Надо думать, что эти подземные ходы относятся къ болѣе древнему времени, именно къ XVII, ст., когда Полтава часто подвергалась татарскимъ набѣгамъ.

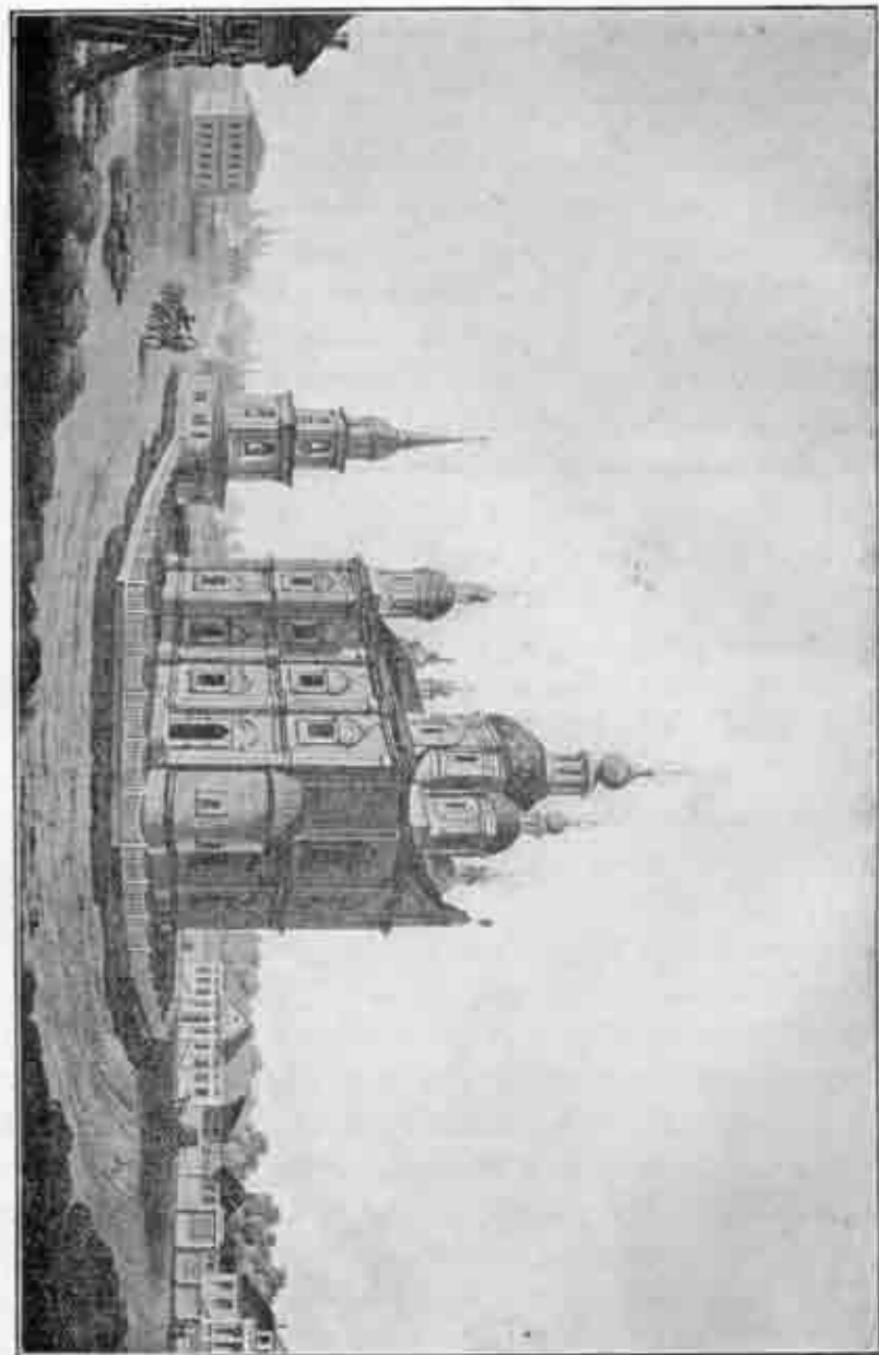
Извѣстно также, что Полтава, со временемъ своего основанія, была укрѣпленнымъ городомъ, т. е. обнесена землянымъ валомъ съ частоколомъ и башнями. Эти укрѣпленія, обновленныя во время шведской войны, оставались несрытыми до 1817 года. Описаний ихъ мы встрѣчаемъ въ одномъ документѣ 1799 года, хранящемся въ архивѣ городской полиції. Городъ тогда дѣлился на семь частей или кварталовъ. Первая часть заключала въ себѣ крѣпость отъ Панянской горы до мѣста, гдѣ Срѣтенская церковь, далѣе

¹⁾ См. «Наказы Малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.», издание «Кiev. Старины» 1889 г., стр. 120.

вать шель, къ Подолу и нынѣшнему городскому саду. Въ этой части и сохранялись валы, уничтоженіе которыхъ началъ князь Куракинъ, а окончательно ихъ уничтожилъ князь Репнинъ въ ожиданіи прїѣзда въ Полтаву императора Александра I въ 1817 году, за что получилъ высочайший выговоръ. Уничтоженные бастіоны были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: одинъ бастіонъ былъ близъ нынѣшняго каѳедральнаго собора, другой—немного лѣвѣе, а третій—тамъ, гдѣ такъ называемый «раскатъ». Между нимъ и вторымъ бастіономъ была укрѣплена башня и вѣзѣдъ въ городъ; башня и вѣзѣдъ назывались Сампсоніевскими. Четвертый бастіонъ былъ противъ нынѣшняго дома полтавскаго Земельнаго Банка (бывшій домъ Позена), на Петровской площади; здѣсь вѣзѣдъ въ городъ и башня назывались Мазуровскими. Пятый бастіонъ былъ, гдѣ нынѣ Николаевская церковь; здѣсь вѣзѣдъ въ городъ и башня назывались Николаевскими; самая церковь была въ бастіонѣ.

Но лучшимъ украшеніемъ тогдашней Полтавы были ея храмы, построенные еще въ XVIII ст.

Главнымъ изъ нихъ былъ Успенскій соборъ, существующій и въ настоящее время. Это была первая въ Полтавѣ каменная церковь, заложенная въ 1748 г. рядомъ съ прежнею деревянной, и оконченная лишь въ 1770 г. Строителями ея были: полковникъ полтавскій Андрей Горленко, полковой судья Григорій Сахновскій, полковой обозный Андрей Руповскій, войсковой товарищъ Дмитрій Бѣлуха и др. Построена была она внутри старинной полтавской крѣпости, которую такъ безуспѣшно пытался взять Карль XII. Это—пятиглавый храмъ прекрасной архитектуры, въ стилѣ кіевскихъ церквей конца XVII ст. Въ украшеніи этого храма принималъ участіе известный покоритель Крыма, князь Василій Михайловичъ Долгорукій, гербами котораго были украшены некоторые иконы и тумбы въ иконостасѣ, но теперь нѣть ни тѣхъ иконъ, ни прежняго иконостаса. Единственную память о князѣ Долгорукомъ теперь составляютъ—отлитый имъ большой колоколь, на соборной колокольни, и храниящійся въ ризницахъ его портретъ.

Видъ Успенскаго кафедральнаго собора въ Полтавѣ, въ 1804 году. Съ граворы Стадлера.

Три приходскія полтавскія церкви—Воскресенская, Срѣтенская и Николаевская, также нѣкогда деревянныя, къ концу XVIII ст. были замѣнены каменными. Лишь одна изъ такихъ церквей,

именно Спасская, по прежнему оставалась деревянною. Такъ какъ исторія этой церкви связана съ историческими воспоминаніями о Пётрѣ I, то о ней слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе.

Спасская церковь въ Полтавѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она была съ 1811 до 1840-хъ годовъ.

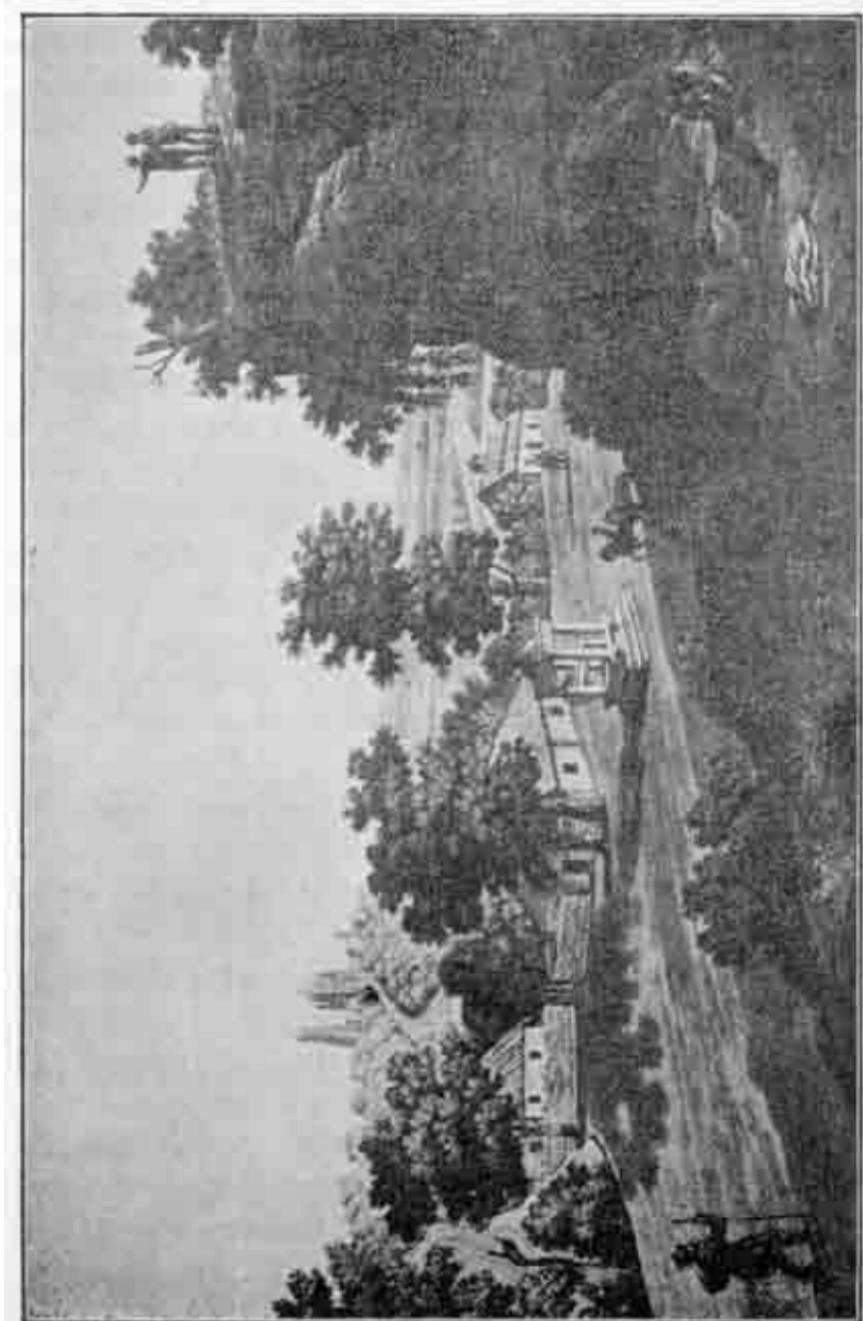

Современный видъ Спасской церкви.

Спасская церковь принадлежит къ числу древнѣйшихъ полтавскихъ храмовъ; о ея существованіи еще въ половинѣ XVII ст. имѣются документальная данныя. При гетманѣ Мазепѣ священникомъ въ ней былъ извѣстный Іоаннъ Свѣтайло, впослѣдствіи сосланный въ Соловецкій монастырь за участіе въ доносѣ Кочубея и Искры на гетмана. Въ 1704 г. Спасская церковь сгорѣла, по черезъ два года была вновь выстроена. Въ этомъ храмѣ, по преданію, молился Петръ, квартировавшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, въ домѣ полт. обывателя Магденка. Болѣе ста лѣть послѣ того простояла еще Спасская церковь въ прежнемъ видѣ; но по мѣрѣ того, какъ полтавцы стали селиться за чертой бывшихъ укрѣпленій, приходъ ея все уменьшался, и въ ту пору, о которой мы ведемъ рѣчь, т. е. въ началѣ XIX ст., Спасская церковь пришла въ крайнюю степень ветхости. Не имѣя средствъ для ея починки, прихожане были вынуждены въ 1811 г. разобрать ее, оставивъ только сѣверный ея придель, лучше другихъ сохранившійся, который и былъ починенъ и приспособленъ для богослуженія въ видѣ малой однокупольной, покрытой гонтомъ церкви, приписанной къ собору. Въ такомъ видѣ Спасская церковь простояла до 1837 года, когда Полтаву посѣтилъ Государь Наслѣдникъ (впослѣдствіи Императоръ) Александръ Николаевичъ. Осмотрѣвъ эту убогую церковь, онъ пожѣлалъ, чтобы Спасская церковь, какъ дорогой историческій памятникъ Петровской эпохи, была сохранена на вѣчныя времена въ томъ самомъ видѣ, посредствомъ устройства сверхъ нея каменаго футляра въ видѣ храма, на что его высочество тогда же пожертвовалъ 2 тыс. рублей. По ходатайству тогдашняго генералъ-губернатора графа Строганова, былъ разрѣшенъ сборъ пожертвованій по всей имперіи, давшій до 25 тыс. р. По проекту извѣстнаго художника-архитектора Тона, служившаго въ то время въ Харьковѣ, поверхъ деревянной Спасской церкви былъ сооруженъ каменный одноглавый храмъ тяжелой московской архитектуры, существующій и понынѣ. Освященіе его происходило 4 сент. 1845 г.

Кромѣ приходскихъ церквей; въ Полтавѣ существуетъ еще Крестовоздвиженскій монастырь, основанный въ половинѣ XVII

ст., при содѣйствіи тогдашняго полтавскаго полковника Мартына Пушкаря и другихъ козацкихъ старшинъ. Онъ расположенъ въ верстѣ отъ города, на высокой, живописной горѣ, откуда откры-

Видъ Полтавскаго монастыря въ 1804 г. Съ гравюры Стадлера.

вается восхитительный видъ на окрестности, на отдаленные луга и лѣса и на городъ, расположенный на другой, противоположной горѣ. Въ началѣ прошлаго столѣтія вся гора, на которой стоитъ монастырь, была покрыта еще густымъ, вѣковымъ лѣсомъ, только одна тропинка среди него вела въ монастырь. Теперь вся гора обнажена; даже сосѣдній лѣсъ, принадлежащій монастырю, представляетъ теперь жалкій остатокъ своего прежняго величія.

О прошломъ монастыря свѣдѣнія очень скучны. Извѣстно, что онъ не мало пострадалъ въ 1695 г. отъ нашествія татаръ во главѣ съ Петрикомъ, опустошившихъ и Полтаву. Пострадалъ онъ и во время шведской войны. Шведы овладѣли имъ и поставили въ немъ нѣсколько пушекъ, откуда громили Полтаву. Нынѣшній главный монастырскій храмъ былъ построенъ въ половинѣ XVIII ст. полтавскимъ полковникомъ Вас. Кочубеемъ. Храмъ этотъ въ византійскомъ стилѣ; онъ крестообразной формы, о семи главахъ, и четырехъ престолахъ. Архитектура его производить и нынѣ, несмотря на сильный шагъ впередъ строительного искусства, очень хорошее впечатлѣніе. Въ 20 саженяхъ отъ него находится колокольня, построенная при архіепископѣ Никифорѣ Феотоки, въ 1776 году. Превосходная ея архитектура напоминаетъ нѣсколько колокольню Киево-Печерской лавры. Высота ея 22 саж., и она видна на разстоянії 40 верстъ отъ города.

До конца XVIII ст. монастыремъ управляли игумены, а съ 1775 по 1798 г. онъ былъ резиденціей славено-херсонскихъ архіепископовъ, переименованныхъ затѣмъ въ екатеринославскіе. Изъ нихъ болѣе замѣчательны первые два: Евгений Булгаринъ и Никифоръ Феотоки — оба греки, получившіе высшее образованіе въ зап. Европѣ. Благодаря ихъ стараніямъ, въ Полтавѣ (въ 1778—1780 гг.) была открыта такъ называемая Славянская семинарія, въ которой, между другими, учился извѣстный малороссійскій поэтъ И. П. Котляревскій. Въ 1798 г. эта семинарія, вмѣстѣ съ архіепископской каѳедрой, была переведена изъ Полтавы сначала въ Новомиргородъ, а потомъ въ Екатеринославъ¹⁾.

¹⁾ Болѣе подробныя описанія Полтавскихъ храмовъ не входятъ въ нашу задачу; ихъ можно найти въ трудахъ Арандаренка, Бодян-

До недавняго времени въ Полтавскомъ монастырѣ, въ настоятельскомъ домѣ, существовала особая зала, устроенная въ 1786—1787 гг. архіепископомъ Амвросіемъ Серебряковымъ и украшенная по стѣнамъ живописными изображеніями біблейско-исторического содержанія. По преданію, въ этой залѣ архіепископъ принималъ въ 1787 г. императрицу Екатерину II, въ память чего и зала именовалась потомъ Екатерининскою. Въ числѣ другихъ изображений, здѣсь была аллегорическая картина, величиною въ квадратную сажень, изображающая Петра В. на бо-

Аллегорическое изображеніе Петра I, побѣдителя шведовъ. Картина хранится въ Полтавскомъ монастырѣ.

скаго, Бучневича, протоіерея Мазанова и въ нашей брошюрѣ «Полтавская битва и ея памятники».

ломъ конъ, попирающаго льва; побѣжденные шведы подаютъ русскому царю свои мечи. Внизу картины подпись:

Се образъ начертанъ премудраго героя,
Что ради подданныхъ лишилъ себя покоя
Къ утѣхѣ Россовъ всѣхъ; но кто онъ былъ таковъ—
Гласить народъ и флотъ, художества и войски.
Гражданскіе труды и подвиги геройски.

Эта интересная картина и теперь хранится въ монастырѣ, въ настоятельскомъ домѣ.

Г л а в а III.

Городовое положеніе 1785 г. „Градекое общество“ и составъ его. Общая Городская Дума и ея задачи. „Шестигласная Дума“. Кругъ ея дѣйствій. Отношенія администраціи къ Думѣ. Дума служить ломбардомъ для жителей.

Помимо особой экспедиціи, завѣдывавшей постройками казенныхъ зданій, князь Куракинъ въ дѣлѣ устроенія города, не мало возлагалъ работы и на Городскую Думу. Управлѣніе городовъ того времени было организовано такимъ образомъ: согласно изданному 21 апрѣля 1785 года «Городскому Положенію» или «Городовой грамотѣ», городскимъ обывателямъ разрѣшалось со- ставить Общую Городскую Думу, которую составляли городской голова и гласные отъ городскихъ обывателей, отъ гильдіи, цеховъ, отъ иногороднихъ и иностранныхъ гостей, именитыхъ гражданъ и посадскихъ. Такъ группируетъ этотъ законодательный актъ горо- дскихъ обывателей. Совокупность ихъ въ смыслѣ юридического лица и составляетъ «градское общество». Всѣ городскіе обыва- тели вносились въ такъ назыв. «обывательскую книгу». Они раз- дѣлялись на шесть классовъ: къ первому принадлежали такъ именуемые въ Грамотѣ «настоящіе городскіе обыватели», «кои въ томъ городѣ домъ или иное строеніе или мѣсто или землю имѣютъ». Вторую группу составляли купцы, дѣлившіеся, по ка- питаламъ, на три гильдіи. Къ первой относились тѣ, кто имѣль отъ 10 до 50 тысячъ капитала, а таковыхъ въ то время, при маломъ развитіи торговли и промышленности, было очень мало; къ второй—имѣющіе отъ 5 до 10 тысячъ и къ третьей—отъ 1

до 5 тысячъ. Купцовъ въ то время въ Полтавѣ было немногого: въ 1798 г.—58 ч., 1799 г.—74, 1800—65, 1801—62, 1802—51, 1803 г.—59, а по инымъ 162—вѣроятно, первая цифра вѣрнѣе¹⁾. Купцы первыхъ двухъ гильдій были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. Купецъ первой гильдіи могъ ѿздить въ каретѣ парою, а второй—только въ коляскѣ; прокатиться же купцу третьей гильдіи въ каретѣ безусловно запрещалось, какъ запрещалось запречь болѣе одной лошади. Третій классъ городскихъ обывателей составляли ремесленники, записанные въ цехи. Такихъ цеховъ въ Полтавѣ въ то время было нѣсколько: кравецкій, ковальскій, шевскій (сапожный), кушнѣрскій, бочарный, гончарный, ткацкій и рѣзницкій²⁾. Для составленія цеха требовалось не менѣе шести человѣкъ одного и того же мастерства. Всякій цехъ имѣлъ ремесленную управу, подчиненную магистрату³⁾. Четвертую группу составляли иногородные и иностранцы, приписавшіеся къ городскому обществу «съ цѣлями промышленности». «Положеніе» довольно подробно останавливается на ихъ правахъ. Если въ городѣ было пятьсотъ и болѣе семействъ иностранцевъ или иногороднихъ, то законъ разрѣшалъ имъ избрать изъ своей среды въ городовой магистратъ столько же бургомистровъ, ратмановъ, вѣдавшихъ дѣла судебнага. Но въ Полтавѣ иностранцевъ было очень немногого. За право торга въ городѣ съ нихъ взималось отъ 1 р. до 100 р. въ городскую кассу⁴⁾. Оставляя городѣ и перебѣжкая на новое жительство въ другое мѣсто, всякий иностранецъ обязанъ былъ донести объ этомъ магистрату. При этомъ онъ долженъ былъ уплатить свои долги; въ противномъ случаѣ, равно какъ и въ случаѣ неплатежа трехгодичной подати, городовой магистратъ обязанъ былъ публиковать ихъ имена въ газетахъ, «дабы всякъ стерегся того бѣлага должника». Иностранцы имѣли право учреждать фабрики, заводы и т. п.—Фабрикъ въ началѣ прошлаго вѣка въ Полтавѣ совсѣмъ не было. Суконныя фабрики, устроен-

1) Арх. П. Г. Правл. 1804 г., по описи № 200, 154—155 стр.

2) Ар. Г. Пр. по описи № 260. 1804.

3) О нихъ Гор. Положеніе очень подробно говоритъ, см. 24—42 ст.

4) Гор. Арх. 1805 г. № 770.

ныя колонистами, выписанными правительствомъ изъ Германіи, были учреждены только въ 1808 году.

Къ пятому классу принадлежали «имянитые граждане». Городовое положеніе подробно рассматриваетъ этотъ классъ городскихъ обывателей. Оно дѣлить ихъ на семь группъ, при чмъ всякая группа, если въ ней будетъ не менѣе пяти человѣкъ, могла избирать гласнаго въ думу. Эти семь группъ были слѣдующія: 1) служившіе по выборамъ,—это, такъ сказать, почетные обыватели, «кои, проходя по порядку службу городскую и получивъ уже названіе степенныхъ, вторично по выборѣ отправили службу мѣщанскаго засѣдателя совѣтнаго суда или губернскаго магистрата или бургомистра или городскаго головы съ похвалою»; такихъ гражданъ было, конечно, не много; 2) лица, имѣвшія академическіе или университетскіе дипломы; 3) художники трехъ художествъ, а именно: архитекторы, живописцы, скульпторы и «музыкосочинители», «кои суть члены академическіе или удостоенія академическія о своемъ знаніи или искусствѣ имѣютъ»; 4) владѣющіе капиталами свыше 50 тыс.; 5) банкиры, обладающіе капиталомъ свыше 100 тысячъ; 6) оптовые торговцы, не имѣющіе лавокъ, и, наконецъ, 7) «кораблемохозяева, кои собственныя корабли за море отправляютъ». Едва ли нужно говорить, что этотъ классъ почти отсутствовалъ въ то время не только въ Полтавѣ, но и въ другихъ, болѣе значительныхъ городахъ. Онъ, по мнѣнію проф. Дитятіна, составлялъ, такъ сказать, «аристократію людей средняго рода». Въ нихъ, людяхъ этой категоріи горожанъ, Екатерина II, очевидно, думала осуществить свою завѣтную идею о русскихъ *tiers état*. Всѣ «имянитые граждане» могли имѣть загородные дворцы и сады, освобождались отъ тѣлеснаго наказанія и могли ъздить по городу въ каретѣ «парою» и «четвернею». Помимо этого, «имянитый гражданинъ», по достижениіи тридцати лѣтъ, при условіи безпорочної жизни, могъ просить о причисленіи его къ дворянству, если только его дѣдъ и отецъ были также въ числѣ «имянитыхъ гражданъ». Наконецъ, шестой классъ—посадскіе, къ которымъ, по смыслу городового положенія, относились всѣ, кто не входилъ въ составъ первыхъ

пяти группъ. Это было промышленное и рабочее населеніе. «Посадскіе, какъ суть въ томъ городѣ старожилы или поселившіеся или родившіеся, въ другія части городской обывательской книги не внесены; промысломъ, рукодѣліемъ или работою кормятся въ томъ городѣ». Законъ предоставлялъ имъ право заниматься торговлей, откупами, подрядами и т. п. Проѣхать по городу на парѣ лошадей посадскій не могъ, а тѣмъ болѣе прокатиться въ коляскѣ или каретѣ.

Таковъ составъ «градскаго общества» по законодательному акту 1785 г. Переходъ изъ одного класса въ другой, конечно, былъ возможенъ. «Градскому Обществу» разрѣшалось составить «Общую Думу», состоявшую изъ городского головы и гласныхъ, избранныхъ по одному изъ настоящихъ обывателей, отъ каждой гильдіи, отъ каждого цеха, отъ имянитыхъ гражданъ и отъ посадскихъ. При выборахъ правомъ голоса пользовался всякий, достигший 25 лѣтнаго возраста и обладавшій капиталомъ, доходъ съ котораго былъ не менѣе 50 р. Избраніе было шарами, или, какъ тогда говорили и писали въ законодательныхъ актахъ, «по баламъ». Дума эта собиралась разъ въ три года, съ разрѣшеніемъ генераль-губернатора или губернатора, въ «зимнее время». Такимъ образомъ, служба гласныхъ Общей Городской Думы продолжалась три года, а въ сущности всего одинъ или два дня, когда происходили собранія. Грамота точно не указываетъ, кто предсѣдательствуетъ въ этой Думѣ, какой порядокъ засѣданія, способъ подачи голосовъ и т. п. Въ грамотѣ только указывается, что собранію «дозволено представлять губернатору о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ» разматривать и провѣрять обывательскую книгу, которая составлялась специально избранной для этого комиссіей, и затѣмъ избирать должностныхъ лицъ. На всякое требованіе администраціи Дума должна была дать приличный отвѣтъ, «сходственный съ узаконеніями и общественнымъ благомъ»—понятіе очень растяжимое, особенно при неясности и неточности законоположеній того времеини. Если же Дума сдѣлаетъ постановленіе, «противное законамъ» или предъявить тре-

бованіе, «нарушающее законы,» то можетъ быть оштрафована пеней въ 200 р.

Одною изъ важныхъ сторонъ дѣятельности Общей Городской Думы было избрание должностныхъ лицъ. Она избирала: городского голову, членовъ депутатскаго собранія и лицъ, имѣющихъ занять сословныя городскія должности, именно—бургомистровъ, ратмановъ, засѣдателей, старость и судей совѣстнаго суда Бургомистры и ратманы засѣдали въ городовыхъ магистратахъ, а засѣдатели въ губернскихъ магистратахъ. Обращалась ли когда-либо администрація къ Общей Думѣ при разрѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ—изъ дѣлъ не видно. Эта Общая Дума, избирала изъ своей среды шесть гласныхъ, которые и составляли «Шестигласную Думу», собственно вѣдавшую городскія дѣла. Отношенія Общей Думы къ «Шестигласной» только этимъ и ограничивались; она не могла контролировать ея дѣйствій. Такимъ образомъ, Общая Дума являлась только второю избрательною инстанціею гласныхъ въ «Шестигласную Думу». Грамота даже устанавливаетъ, «какъ и гдѣ засѣданіе имѣть въ городской Думѣ». По серединѣ долженъ сидѣть на стулѣ городской голова, противъ него «на лавкѣ», направо, голосъ цеховыхъ, налево—голосъ посадскихъ. Возлѣ городского головы съ правой стороны («въ правомъ заворотѣ»), на лавкѣ голосъ настоящихъ городскихъ обывателей и голосъ ино-городнихъ и иностранныхъ гостей; возлѣ городского головы съ лѣвой стороны («въ лѣвомъ заворотѣ»), на лавкѣ, голосъ имянитыхъ гражданъ и голосъ гильдейской».

Въ чёмъ же состояли обязанности «Шестигласной Думы» и кругъ ея вѣдѣнія? На ея обязанности было: 1) «доставить жителямъ нужное пособіе къ ихъ прокормленію или содержанію». Конечно, нельзя этого понимать буквально; дума должна была заботиться, какъ поясняетъ другое постановленіе грамоты, о привозѣ въ городъ и продажѣ всего того, «что можетъ служить ко благу и выгодамъ жителей»; 2) сохранять городъ отъ ссоръ и тяжбъ съ окрестными городами или селеніями; 3) сохранять между жителями города миръ, тишину и добroe согласіе. Замѣтимъ здѣсь, что судебнaя дѣятельность была чужда думѣ,—она

находилась въ вѣдѣнії магістратовъ и ратушъ; 4) возбранять все, что добруму порядку и благочинію противно; 5) посредствомъ наблюденія доброй вѣры и всякими позволенными способами поощрять привозъ въ городъ и продажу всего, что ко благу и выгодамъ жителей служить можетъ; 6) наблюдать за прочностью публичныхъ городскихъ зданій, о заведеніи площадей для стеченія народа по торгу, пристапей, амбаровъ, магазейновъ и тому подобнаго, что можетъ быть выгодно и полезно; 7) стараться о приращеніи городскихъ доходовъ на пользу города и для распространенія заведеній по Приказу общественнаго призрѣнія; 8) разрѣшать сомнѣнія и недоумѣнія по ремесламъ и гильдіямъ въ силу сдѣланныхъ о томъ положеній...

Мы нарочно выписали цѣликомъ всѣ параграфы, опредѣляющіе кругъ дѣятельности Думы. Нельзя сказать, чтобы здѣсь все было ясно и точно формулировано. Такъ, предписывая Думѣ охранять миръ и тишину и добroe согласіе, т. е. возлагая на нее обязанности полицейскія, въ то же время положеніе запрещаетъ ей касаться дѣлъ, предоставленныхъ «вѣдѣнію лицъ и установленій полицейскихъ». Далѣе, грамота возлагаетъ на Думу разрѣшеніе «сомнѣній и недоразумѣній по ремесламъ и гильдіямъ», а какія это «сомнѣнія» и въ какихъ случаяхъ Дума должна въ это вмѣшаться,—изъ грамоты не видно. На самомъ дѣлѣ Дума того времени мало имѣла отношенія къ цехамъ и гильдіямъ; она вѣдала хозяйственныя нужды города и находилась въ полной зависимости отъ администраціи, предложенія которой она исполняла¹⁾.

При кн. Куракинѣ полтавская Дума была учрежденіемъ, много помогавшимъ его заботамъ объ устроеніи города. По всѣмъ дѣламъ Дума должна была входить съ отношеніями въ губернское правленіе. Одинъ разъ за все время генераль-губернаторства князя Куракина, Полтавская Дума отнеслась къ нему непосредственно, но за это получила строгій выговоръ и предписано было ей «отъ

¹⁾ Гор. Арх. 1802. № 222.

подобныхъ поступковъ воздержаться, въ противномъ случаѣ не останется она безъ взысканій». Отчетность о своихъ дѣйствіяхъ Дума должна была представлять губернскому правлению и казенной палатѣ. Сложить съ себя званіе гласнаго въ то время было не легко. Купеческій сынъ, Подсудевскій, страдая «ломовою болѣзнью въ ногахъ» (ревматизмомъ), просилъ увольненія отъ должности гласнаго. Пошла по этому дѣлу переписка, и во врачебномъ отдѣленіи штабъ-лѣкарь Крестинскій¹⁾ долженъ былъ подвергнуть его медицинскому осмотру, о чёмъ подробно уведомилъ губернское правление, которое, послѣ разсмотрѣнія медицинскаго протокола уволило просителя отъ званія гласнаго¹⁾. Такая строгость въ то время вполнѣ соотвѣтствовала взгляду правительства на службу по выборамъ. «Доходитъ до свѣдѣнія,—читаемъ въ одномъ указѣ императора Александра I (1804 г.),—что будто лучшее дворянство и граждане склоняются отъ выборовъ, слѣдовательно, и отъ службы. Изъ того само по себѣ выходитъ, что земскій судь и управа достаются въ руки ненадежныя. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы, по нерадѣнію къ общему благу, въ семъ знаменитомъ поприщѣ, въ гражданскихъ, а паче въ благородныхъ обществахъ соревнованіе угасло; а потому повелѣваемъ Правительствующему Сенату ко всѣмъ начальникамъ губерній предписать, дабы дворянству черезъ своихъ предводителей, а гражданамъ чрезъ своихъ городскихъ головъ дали знать волю Нашу, что Намъ весьма пріятно будетъ, ежели они съ большою ревностью собираясь станутъ къ ихъ выборамъ и съ возможнымъ беспристрастіемъ, по силѣ законовъ, удостаивать лучшихъ людей къ опредѣленію въ должности для составленія ихъ же собственнаго и прочаго народа блага. Сие самое, между исполненiemъ другихъ обязанностей, будетъ достовѣрнымъ знакомъ истинной любви къ отечеству, вѣрной службы и соотвѣтствиемъ Нашего о нихъ попеченія²⁾.

¹⁾ Гор. Арх. 1804, стр. 90.

²⁾ Ар. П. Губ. Земства по, описи № 3, стр. 129 и Законополож. 1802 года.

Дума того времени должна была исполнять и распоряженія поліції, особенно, если это касалось ремонта зданій. Но Дума входила нерѣдко въ пререканія съ городничимъ, а затѣмъ и съ поліціей, что вызвало распоряженіе князя Куракина: «Въ случаѣ нетерпящихъ времени починокъ, исправлять оныя безъ малѣйшаго промедленія по требованію поліціи и о томъ доносить по надлежащему губернскому начальству¹⁾). При отношеніяхъ губернатора или генераль-губернатора къ Думѣ, если это касалось построекъ или ремонта, мы очень часто встрѣчаемъ напоминаніе объ экономіи, съ угрозой «взысканія». Была ли поводомъ къ тому замѣченнія администраціей расточительность со стороны Думы въ расходованіи городскихъ средствъ или даже злоупотребленіе,—изъ дѣль не видно; но такія выраженія, какъ «при семъ исправленіи сумма не была бы излишне употребляема, въ противномъ случаѣ передача взыщется съ присутствующихъ оной Думы»,—встрѣчаются очень часто въ бумагахъ того времени. Князь Куракинъ, проѣзжая однажды въ Крестовоздвиженскій монастырь, замѣтилъ, что мостъ очень плохъ. Онъ предписалъ Думѣ исправить его въ теченіе трехъ дней, при чемъ прибавляется, что «излишняя сумма будетъ обращена пополненіемъ на присутствующихъ въ Думѣ». ²⁾ Бывали случаи, что князь Куракинъ не довѣрялъ Думѣ и назначалъ частнаго пристава наблюдать за работами, производимыми Думой ³⁾). Просматривая однажды смету на ремонтъ, князь Куракинъ предписываетъ провѣрить «количество материаловъ аккуратнымъ образомъ, поелику непомѣрное увеличеніе въ ней таковыхъ рождаетъ большое въ томъ сомнѣніе. Провѣрка была сдѣлана, но кн. Куракинъ все-таки не довѣрилъ Думѣ и велѣлъ «купно съ полицеімайстеромъ и стряпчимъ произвести ремонтъ и донести губернскому правленію» ⁴⁾.

Таковы были отношенія тогдашней администраціи къ Думѣ, лишавшія ее всякой самодѣятельности и требовавшія отъ нея только безпрекословного исполненія. За все время генераль-губернаторства князя Куракина мы встрѣчаемъ одинъ только случай,

¹⁾ Гор. Арх. 1804 № 3048 и № 59.

²⁾ Г. Арх. 1802 № 1663 и 137, 2236.

³⁾ Гор. Ар. 1802 № 200.

⁴⁾ Гор. Арх. 1806. № 34450 (донесеніе Г. Правленія).

когда гласный Федоръ Емельяновъ подалъ отдельное мнѣніе и рискнулъ не согласиться съ княземъ по вопросу объ увеличеніи жалованья секретарю думы. Князь Куракинъ велѣлъ разсмотрѣть это мнѣніе думѣ вмѣстѣ съ магистратомъ, которые и порѣшили: «оставить его (т. е. мнѣніе) безсильнымъ и возвратить ему оное» ¹⁾. Не столько было дѣла въ то время, сколько переписки; такъ отправлялись дѣла не въ одной городской думѣ, но и въ другихъ учрежденіяхъ того времени. При отвѣтѣ на какую-либо бумагу всегда писался весь текстъ ея, а затѣмъ отвѣтъ; если такихъ бумагъ по одному вопросу было нѣсколько, то всѣ переписывались цѣликомъ, что, конечно, утомляло администрацію и отнимало не мало времени. Князь Куракинъ обратилъ на это вниманіе и издалъ приказъ, полезный и для нашего времени: онъ предписывалъ, чтобы во всѣхъ представленіяхъ и донесеніяхъ излагали только сущность дѣла, а то «нерѣдко бываетъ, что нѣкоторыя учрежденія предписанной эссенціи въ представленіяхъ и донесеніяхъ внизу оныхъ не означаютъ, чѣмъ самыми и паводятъ ему, генераль-губернатору, затрудненіе» ²⁾. Бумаги не щадили а она была не дешева: за стопу бѣлой платили 4 р. 30 к. немного хуже— 3 р. 50 к.

Дума того времени, помимо завѣдыванія хозяйствомъ города, служила для жителей и ломбардомъ, гдѣ можно было запимать деньги подъ залогъ вещей, недвижимости, что практиковалось съ 1795 года. Иногда закладывались крестьяне по оценкѣ 70 р. за душу, при чемъ взималось 5%; по такіе случаи были не часты. Въ 1802 г. получилъ въ займы надв. совѣтникъ Кочубей 5 тыс. р. подъ залогъ «крестьянъ со всѣми угодьями»; штабъ-лѣкарь Тишевскій получилъ небольшую суду подъ залогъ 34 душъ, и вторично Кочубей еще получилъ 5 тысячи. Крестьянскія души принимались и какъ залогъ при желаніи взять какой-либо подрядъ, какъ это сдѣлалъ кременчугскій купецъ Пинчуковъ въ 1803 г., заложившій 94 души для полученія винагро откупа ³⁾.

¹⁾ Гор. Арх. 1802 г.

²⁾ Гор. Арх. 1803 № 224.

³⁾ Гор. Арх. 1802 г., № 1570, и Ар. Губ. Земства 1802 г., № 83.

Г л а в а IV.

Заботы князя Куракина о постройкѣ зданій для правительстvenныхъ учрежденій. Цѣны на строительный матерьяль. Забота о рабочихъ. Пере-писка съ гр. Разумовскимъ о пріобрѣтеніи отъ него для города левады и дома. Покупка кн. Куракинъмъ нижняго сада и переписка съ С. М. Ко-чубеемъ о пріобрѣтеніи для города верхняго сада. Заботы объ устройствѣ городского сада.

Одною изъ главныхъ заботъ князя Куракина, тотчасъ по прїездѣ въ Полтаву, была постройка зданій для правительстvenныхъ учрежденій. Въ Полтавѣ въ то время не было хорошихъ, большихъ домовъ, гдѣ бы могли помѣститься эти учрежденія; пан-натыя же помѣщенія были тѣсны, притомъ крайне ветхи. Нельзя было найти сколько-нибудь приличнаго помѣщенія и для началь-ствующихъ лицъ; самъ кн. Куракинъ жилъ въ небольшомъ домѣ около Воскресенской церкви (нынѣ тамъ домъ Шатуновскаго). Губернаторъ Сонцевъ обратилъ на это вниманіе гор. думы и въ 1802 году предписалъ ей, чтобы она «за обязанность свою почла доставить ему и вице-губернатору квартиры настоящія, согла-сивъ домохозяевъ, исправя ихъ на свой коштъ, отдать въ наймы ихъ, употребля на то нужное число денегъ изъ городскихъ дохо-довъ, вмѣсто найма засчитать оные хозяевамъ безъ всякой ихъ обиды и съ ихъ въ томъ согласія». ¹⁾ Этимъ пріемомъ губерна-торъ Сонцевъ получилъ возможность имѣть нѣсколько хорошихъ

¹⁾ Гор. Арх. 1802 г., №. 116.

квартире. Князь Куракинъ, ознакомившись съ городомъ, донесъ государю Александру, что въ Полтавѣ нѣтъ зданій, гдѣ бы возможно помѣстить присутственныя мѣста. «Вице-губернаторъ,—писалъ онъ,—жилъ въ домѣ, гдѣ обвалились потолки, а губернаторъ жилъ въ плохомъ домѣ Милорадовича, за что платили 1000 р. въ годъ»¹⁾. Кн. Куракинъ поэтому ходатайствовалъ объ отпускѣ изъ государственного казначейства необходімой суммы на постройку зданій въ городахъ Полтавской губерніи и въ самой Полтавѣ. Ходатайство было уважено, и въ распоряженіе князя было отпущенено 400 тысячъ р.²⁾ При немъ были построены или начаты постройкой слѣдующія зданія, существующія до сей поры:

1) Присутственныя мѣста (кромѣ боковыхъ крыльевъ, построенныхъ въ 1850-хъ годахъ), гдѣ помѣщались: губернское правленіе, казенная палата, Приказъ общ. призрѣнія и судъ. И въ то время, какъ и теперь, стоимость зданія всегда превышала смету. Смета на это зданіе была исчислена въ 78 тыс., а постройка обошлась въ 95 тыс. р. Окончено зданіе постройкой въ 1810 г.

2) Городское полицейское управление (стоившее 38 тыс.), гдѣ помѣщался нижній земскій судъ, полиція, казначейство квартира городничаго, а затѣмъ полицеймейстера; 3) такъ назыв. старо-губернаторскій домъ (пытѣ принадлежитъ кадетскому корпусу), оконченный въ 1811 г., стоимостью въ 96 тыс. р.; 4) острогъ, одинъ корпусъ въ 42 тыс., оконченъ въ 1808 году; 5) губернаторскій домъ, построенный въ 1810 г. за 43700 р.; во дворѣ былъ устроенъ домъ для вице-губернатора за 31 тыс.

Кн. Куракинъ принималъ съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы постройки эти обошли возможнѣ дешевле. Прежде всего онъ старался обѣ устроить кирпичныхъ заводовъ, и въ 1802 году, имѣя въ виду только эти постройки, губернаторъ Сонцевъ, по предложению князя, предписалъ думѣ устроить заводъ на левадѣ, назыв. Задыхальной (внизу пѣмецкой колоніи), отдавъ его въ распоряженіи Приказа общественнаго призрѣнія. Левада эта, въ пѣс-

¹⁾ Арх. Губ. Правл. по описи № 123.

²⁾ Гор. Арх. 1804 г., Указъ Губ. Правл. № 625.

колько десятинъ, куплена была городомъ еще въ 1773 году у священника Латушинского за 100 р. и отдавалась въ аренду купцу Ковалевскому за 31 р. въ годъ. На уступку этой левады Приказу послѣдовало высочайшее повелѣніе 10 апрѣля 1802 года. Тамъ же городъ устроилъ и другой заводъ на землѣ, лично приторгованной кн. Куракинымъ за 325 р. (13 дес. 1291 кв. саж.)¹⁾. Изъ частныхъ заводовъ были: Воскресенской церкви и Крестовоздвиженского монастыря²⁾. Интересны цѣны того времени на строительный матеріялъ (1802—1803 г.г.): 1 тысяча кирпича, длиною 6 в., шириной 3, толщиною $1\frac{1}{2}$ —6 р.; въ 1810 г. цѣна повысилась и доходила до 10 р.; кладка одной тысячи 2 р.—2 р. 50 к.: алебастръ 25 к. пудъ; глина, куб. сажень—6 р.; песокъ, куб. сажень—8 р.; сажень извести, которую привозили и тогда изъ Бѣлгорода, 55 р.; листовое желѣзо 1 пудъ 7 р. 50 к., желѣзо вообще 1 пудъ 2 р. 50 к. и 3 р.—50 к.; работа печи 16 р.; кафельной 14 р.; голландской 15 р.; русской 8 р.; грабарская работа 2 р. отъ куб. сажня; краски: охра 1 п.—4 р. 50 к.; лазурь $1\frac{1}{2}$ ф.—1 р. 80 коп.; сурикъ $3\frac{1}{2}$ ф. 88 коп.; шингель 1 ф.—60 к.; свинцовые бѣлила 1 п.—1 р., голландская сажа 1 ф.—80 к.; гвозди 1 п.—1 р. 60 к.; плита для лѣстницъ, погонная сажень—8 р.;³⁾

Лѣсь на постройку въ то время, какъ и нынѣ, доставлялся изъ Кременчуга. Но въ виду многихъ построекъ не только въ Полтавѣ, но и въ уѣздахъ, гдѣ строились тюремные замки, больницы и проч., кн. Куракинъ исходатайствовалъ разрѣшеніе на получение ста тысячъ дубовыхъ брусьевъ изъ казенныхъ лѣсовъ киевской, могилевской и орловской губерній, для рубки которыхъ былъ посланъ Куракинымъ чиновникъ губ. правл. Софоновъ.⁴⁾

Цѣны на лѣсь были слѣдующія: 4 саж. (діаметръ 8 вер.) доска 5 р.; 3 саж.—4 р.; сосновая бревна: 6 саж. 6 вер.—6 р.; 4 саж.—4 р., 3 саж.—3 р.; дубовые брусья 4 саж. 4 вер.—2 р. 50 к.; сосновая доска 3 саж. ($2\frac{1}{2}$ д.) 80 коп.

¹⁾ 1804 г. Прот. Думы, стр. 42 и Арх. Губ. Земства 1802 г.

²⁾ 1804. Гор. Арх. №. 1584.

³⁾ Ар. Губ. Правл. 1803 по описи №. 185.

⁴⁾ Арх. Полт. Губ. Зем. 1802 по описи № 40.

Скопленіе рабочихъ при постройкахъ озабочивало генераль-губернатора, и онъ далъ слѣдующее предписаніе губ. правлению: «Нерѣдко можетъ случиться, что рабочіе люди бываютъ больны и, не имѣя пристанища на прирѣбнѣе, могутъ находиться въ опасности жизни; дабы доставить симъ людямъ нужную помощь, предлагаю губернскому правлению учинить распоряженіе, дабы городовъ господа полицееместеры и городничіе, за узнаніемъ о семъ отъ смотрителей за строеніями, принимали ихъ во временно отстроенные больницы городскія, гдѣ повѣтовый лѣкарь обязанъ ихъ будеть пользовать¹⁾.

Помимо постройки казенныхъ зданій, кн. Куракинъ старался о пріобрѣтеніи частныхъ домовъ; такъ, имъ быль пріобрѣтень домъ Руденка за 12 тыс., едва-ли не лучшій домъ въ то время въ Полтавѣ (нынѣ на этомъ мѣстѣ домъ губернского земства). Но прежде чѣмъ купить, кн. Куракинъ пытался у богатыхъ людей выпросить для города безвозможнно, и когда это не удавалось, то тогда уже покупалъ. Расширяя черту города, князь обратился съ просьбой къ графу Льву Кирилловичу Разумовскому уступить городу три десятины левады. Начинается переписка. На письмо князя, графъ отвѣтилъ, что не можетъ рѣшить вопроса объ уступкѣ левады, пока не получитъ увѣдомленія отъ управляющаго своей экопоміей (Карловка, Конст. уѣзда), нужна ли она. «Городъ Полтава,—пишетъ далѣе графъ,—и такъ съ моей стороны довольно имѣть пожертвованій, ибо два дома состоящіе въ оной занимаются въ пользу ея тому уже нѣсколько лѣть къ ряду, одинъ—присутственными мѣстами, а другой—губернской чертежной, съ неминуемо претерпѣваемъ отъ такого занятія въ деревянныхъ зданіяхъ разореніемъ: хотя, мнѣ кажется, помѣщеніе присутственныхъ мѣсть, гдѣ нѣть казенныхъ строеній, должно бы лежать на общемъ городскомъ иждивеніи, а не на обремененіи одного частнаго человѣка. И когда всѣ прочіе полтавскіе обыватели не имѣли никакаго постоя, тсгда чиновники, управляющіе моимъ имѣніемъ и дѣлами, прїѣзжая въ городъ, по причинѣ занятія моихъ

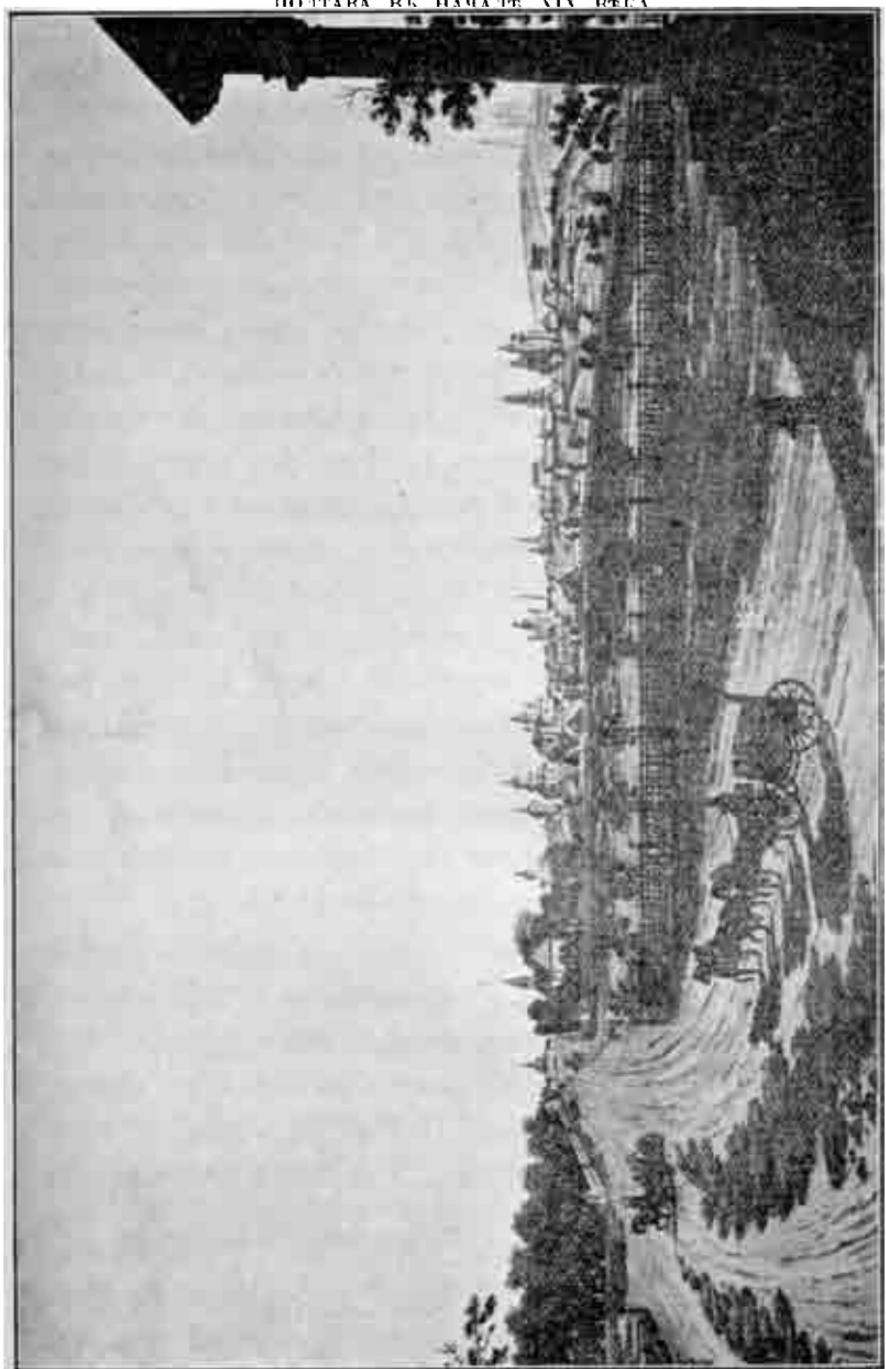
¹⁾ Арх. Гор. 1805, предп. № 3265.

домовъ, приуждены искать пристанища паймомъ». Графъ обѣщалъ продать леваду, если онъ будеть освобожденъ отъ постоянья «сопразмѣрное время тому, черезъ которое оные дома мои заняты были, дабы черезъ то уровненіе быль я съ прочими полтавскими жителями... Но продажу обѣщалъ совершить, если князь купитъ у него домъ, занятый присутственными мѣстами, «за резонабельную цѣну»; въ противномъ случаѣ не соглашался, «ибо думаю, (писалъ онъ), что и такъ никто изъ гражданъ Полтавы болѣе меня для нея не сдѣлалъ». Продажу дома онъ поручилъ совершить управляющему своимъ имѣніемъ, Карловкой, пѣкому Соколову. Соколовъ быль вызванъ въ Полтаву. Онъ запросилъ за домъ 3 тысячи р., но Куракинъ даваль только $2\frac{1}{2}$ тыс. Начался торгъ. Соколовъ не уступилъ и уѣхалъ. Спустя два мѣсяца князь опять вызвалъ его и все-таки сторговалъ домъ за $2\frac{1}{2}$ тыс. съ разсрочкой платежа на три года. Стоимость уплаты пошлины и вводъ во владѣніе составили расходъ въ 150 р. ассигн. ¹⁾.

Такъ устраивалъ городъ Куракинъ. Интересно, какъ онъ пріобрѣлъ городской садъ, и нынѣ составляющій украшеніе города. Прежде всего, часть сада (нижнюю) князь Куракинъ пріобрѣлъ на свои средства у отставного майора Романа Крыловскаго; верхняя же его часть принадлежала Семену Михайловичу Кочубею, къ которому кн. Куракинъ отправилъ письмо съ просьбою уступить садъ городу. Кочубей отвѣтилъ, что онъ боленъ, но оправившись, сочтетъ своею обязанностью лично побывать у князя и поговорить объ этомъ. Князь Куракинъ подождалъ пѣкоторое время и вторично послалъ ему письмо съ просьбой объ уступкѣ сада, увѣряя его, что онъ просить не для себя, а для города. Кочубей исполнилъ эту просьбу; тогда и Куракинъ формально передалъ городу смежную часть сада, купленную имъ у Крыловскаго, и благодаря этому Полтава на вѣчныя времена пріобрѣла большой прекрасный садъ. ²⁾ Князь Куракинъ сейчасъ приказалъ устроить каменную ограду, бесѣдки, началь садить деревья, за-

¹⁾ Ар. Губ. Правл., по описи №. 228.

²⁾ Арх. Губ. Правл., 1803 г., по описи № 174.

Видъ Полтавы въ 1804 году отъ Садовой площади, со двора Семена Михайловича Коучбая (нынѣ Институтъ благор. дѣвицы). Съ гравюры Стадлера.

вель цветники и оранжереи. Садовника, знающего свое дѣло, въ то время достать въ Полтавѣ нельзя было. Его выписали изъ Батурина, вѣроятно, изъ имѣнія гр. А. Разумовскаго. Садовникъ, которымъ былъ крестьянинъ Даніилъ Неванка, получалъ жало-

вания 4 р. въ мѣсяцъ. На содержаніе сада и его устройства отпускала средства городская дума. Въ 1805 г. было истрачено на садъ 560 р., а въ послѣдующіе года тратилось много больше, такъ какъ преемникъ князя Куракина, князь Лобановъ-Ростовскій очень любилъ заниматься садомъ. Это отмѣтило въ своихъ путевыхъ запискахъ кн. Долгорукій. «Кн. Лобановъ—говорить онъ—охотникъ до садовъ; гумяя съ нимъ по саду, я любовался. видя восхищеніе, съ которымъ онъ каждое дерево выхваляетъ, всякое ему знакомо, онъ неоднократно его осмотрѣлъ». Въ саду этомъ и по зимамъ бывали гулянья. Для публики были устроены камини, гдѣ можно было отогрѣться. ¹⁾ Постройка ограды и бесѣдокъ велась городской управой подъ руководствомъ губ. архитектора Афросимова и его помощника Плотникова, на что было истрачено болѣе 3 тысячъ рублей. Князь Куракинъ остался этимъ очень недоволенъ. Просматривая отчетность по постройкѣ, князь былъ удивленъ, что стоимость кирпичной кладки была поставлена въ 3 р. 50 к. съ тысячи, а не 2 р.—2 р. 50 к., какъ была цѣна въ то время. Завязалась большая переписка, окончившаяся тѣмъ, что кн. Куракинъ отстранилъ городского архитектора отъ завѣдыванія садомъ и поручилъ это дѣло бывшему городничему, а тогда служившему въ экспедиціи, Значко-Яворскому.

Въ 1804 году были устроены въ саду оранжереи. Уѣзжая въ мартѣ мѣсяцѣ для обозрѣнія губерніи, князь Куракинъ предписалъ устроить оранжереи «самопоспѣшнѣйшимъ образомъ, дабы при открытии весны ни въ чемъ работы не имѣли остановки». Работы начались черезъ два дня. При кн. Куракинѣ медлить нельзя было: самъ онъ легко работалъ и того же требовалъ отъ другихъ. ²⁾

1) «Славны бубны за горами», стр. 86—87.

2) Ар. Губ. Правл. № 174, 1803 г.; Гор. Арх. 1804 и 1805 г.

Г л а в а . V.

Устройство кн. Куракинымъ аптеки въ Полтавѣ. Имѣнія, принадлежавшія городу. Забота Куракина объ устройствѣ памятника полтавской битвы. Памятникъ и его открытие. Стихотвореніе В. В. Капниста. Открытие богоугодныхъ заведеній. Устройство ботаническаго сада. Родильный госпиталь. Богадѣльня. Привитіе оспы. Учрежденіе дома для душевно-больныхъ

До прѣѣзда кн. Куракина въ Полтавѣ была лишь единственная, и то частная, аптека врача Тишевскаго, служившаго во врачебной управѣ. Задумавъ открыть казенную аптеку, кн. Куракинъ въ 1803 г. обратился съ просьбой къ министру внутреннихъ дѣлъ В. П. Коцубею объ отпускѣ для предполагаемой аптеки лѣкарствъ изъ Лубенской аптеки, снабжавшей въ то время весь югъ Россіи медикаментами. Медицинская коллегія, куда было передано это ходатайство, не нашла возможнымъ отпустить лѣкарства безвозмездно, такъ какъ таковой отпускъ, по законоположеніямъ того времени, допускался только для военныхъ и флотскихъ госпиталей, въ виду чего министръ разрѣшилъ лишь взять изъ Лубенской аптеки необходимыя лѣкарства съ разсрочкою платежа въ два, три срока. Тогда кн. Куракинъ нашелъ болѣе выгоднымъ купить аптеку Тишевскаго и заранѣе пригласилъ на должность аптекаря Ивана Сесса, изъ Москвы, котораго рекомендовалъ ему родной братъ Куракина. Жалованье ему назначено было на первый годъ 600 р. с., затѣмъ 800 р. Лѣкарь Тишевскій, узнавъ о желаніи Куракина открыть аптеку, началъ энергично заготовлять возможно больше травъ и другихъ

лъкарствъ, чтобы повыгоднѣе продать свою аптеку. Онъ запропоршилъ за нее 17850 р.; но Сессъ, человѣкъ очень энергичный и честный напечь эту цѣну слишкомъ высокой. Противъ Сесса, въ защиту Тишевскаго, выступилъ врачебный инспекторъ, лъкарь Фалькенштейнъ; но Сессъ дѣйствовалъ самостоятельно и непосредственно обращался прямо къ кн. Куракину, въ которомъ находилъ поддержку, чѣмъ обижалась врачебная управа, считавшая Сесса своимъ подчиненнымъ. Пререканія эти доходили до министра внутреннихъ дѣлъ. Сессъ аптеку Тишевскаго оцѣнилъ всего въ 9500 р. Долгія пререканія закончилися тѣмъ, что изъ аптеки Тишевскаго было приобрѣто лъкарствъ на 7062 р., а остальная, недостающія, выписывали изъ Лубенской аптеки, съ уступкою 15%. Надзоръ за аптекой лежалъ на Приказѣ общ. призрѣнія, а врачебная управа производила ежемѣсячную ревизію. Доходы съ аптеки поступали въ Приказъ. Открыта она была 11 августа 1804 года и по 1 января 1807 г. дала чистаго дохода 10515 р. асс. ¹⁾)

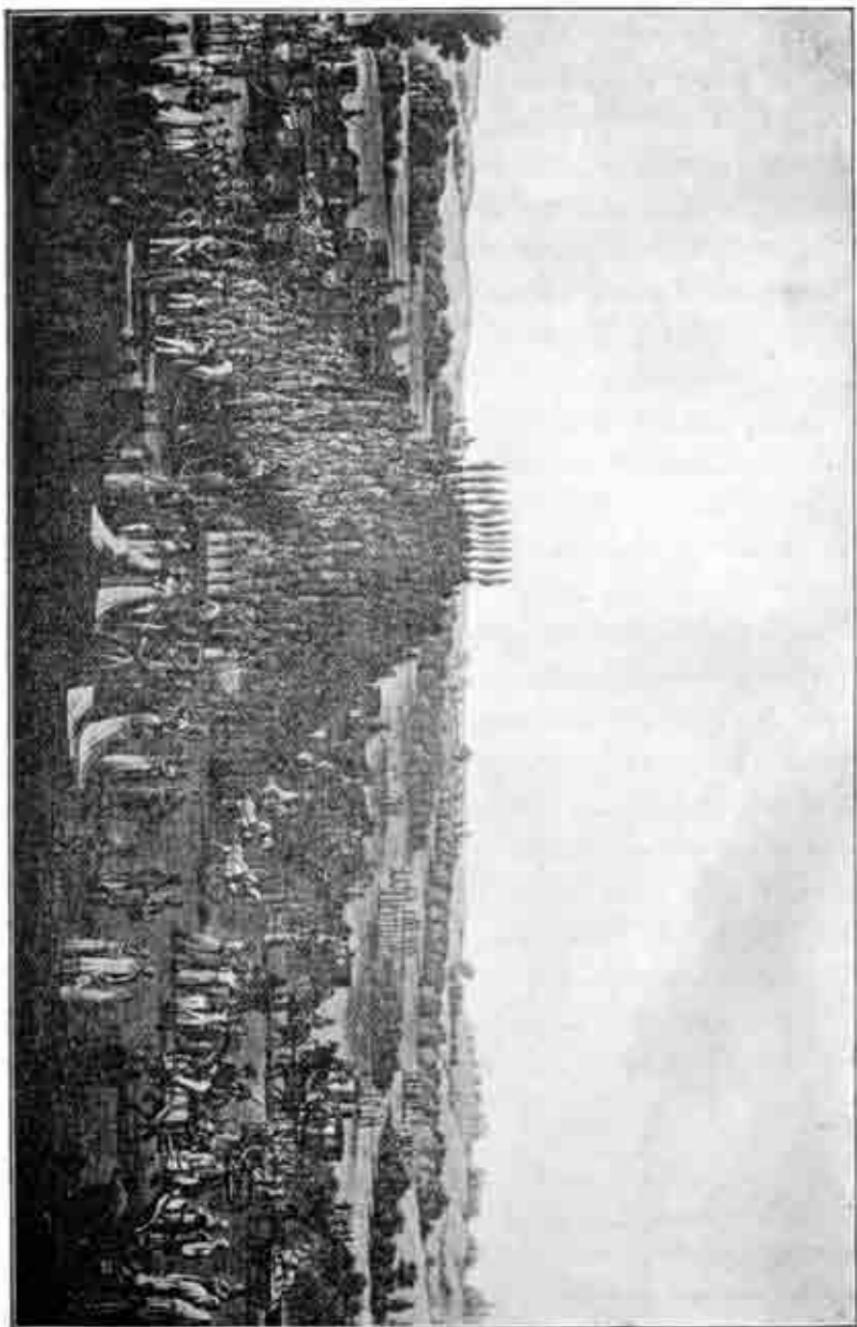
Въ 1804 году князь Куракинъ рѣшилъ, въ виду истекшаго столѣтія со дня полтавской битвы, соорудить въ Полтавѣ памятникъ. Изыскивая средства на его сооруженіе, онъ рѣшилъ прежде всего употребить на его сооруженіе деньги, которыя слѣдовало получить городу за отобранныя у него имѣнія. Исторія этихъ имѣній такова. Пётръ Великій въ благодарное воспоминаніе побѣды, одержанной надъ шведами въ 1709 г., указомъ 1718 г. пожаловалъ Полтавѣ деревни Иванчинцы, Ивашки, Грабиновку и часть села Осмачковъ. По ревизіи 1782 г. въ этихъ селахъ числилось 1045 душъ, а по ревизіи 1795 года—1147 душъ. Всѣхъ хатъ 383 г. Этими деревнями городъ владѣлъ до 1785 года, получая съ каждой души по 1 р., и кромѣ этого, обложилъ каждую хату въ 50 к. (такъ назыв. «подымное»). Помимо этого, магистратъ пользовался даровымъ трудомъ крестьянъ для городскихъ работъ «особливо во время квартированія въ городѣ генералитета и полковъ». Крестьяне возили дрова, сѣно, воду и т. под. За времена

¹⁾ Арх. Губ. Пр., по описи № 165.

съ 1762 по 1784 г. (раньше свѣдѣній нѣть) городъ получиль изъ своихъ имѣній 11655 р. 52 $\frac{1}{2}$ к. Въ 1785 году, по приказанію Потемкина, доходы съ этихъ имѣній были обращены на укомплектованіе полтавскаго коннаго полка. Имѣнія города такимъ образомъ поступили въ вѣдѣнія директора экономіи, нравицъ съ другими казенными деревнями, что и было подтверждено указомъ императрицы Екатерины II на имя Румянцева-Задунайскаго. Согласно этому указу, магистрату Полтавы, въ вознагражденіе за отобранныя села, должны были отпускаться изъ казны денежныя суммы, но до 1804 года онъ ничего не получилъ. Когда же былъ поднятъ вопросъ о памятникахъ, то кн. Куракинъ и началъ хлопотать о выдачѣ городу уплаты за потерянныя имѣнія. Кн. Куракинъ довелъ это дѣло до свѣдѣнія императора Александра I, который повелѣлъ разсмотрѣть его въ Сенатѣ и «безъ очереди». Правительствующій Сенатъ запросилъ мнѣнія кн. Куракина, который и высказался въ томъ смыслѣ, что ходатайство гор. думы, желавшѣй получить денежное вознагражденіе, должно быть удовлетворено. По расчету думы, ей слѣдовало получить съ казны 22851 р., но Сенатъ значительно уменьшилъ это требование и постановилъ выдать городу всего лишь 8551 р. 58 к.¹⁾. Эти деньги кн. Куракинъ употребилъ на сооруженіе памятника на Александровской площади, вокругъ которой онъ задумалъ построить рядъ зданій для правительственныхъ учрежденій и школъ (гимназіи, семинаріи). До постройки памятника, площадь эта принадлежала помѣщикамъ Степану и Петру Левенцамъ, которымъ въ замѣсть ея дана была земля въ другомъ мѣстѣ, въ размѣрѣ 1 дес. 1529 саж. Еще сюда примыкали земли дворяниновъ Бужула и Кончихи, которымъ было уплачено 845 р. Торжество закладки памятника происходило въ годовщину Полтавскаго боя, 27 июня, 1804 года. Наканунѣ этого дня на Шведской могилѣ, за городомъ,

¹⁾ Арх. Губ. Правл. по описи № 154, и гор. Арх. 1803, № 947 и 242. Полтавское городское Управлениe и до сей поры получаетъ за отобранныя когда-то имѣнія, согласно Указу Сената отъ 2 ав. 1803 г., ежегодно по 655 р. 43 к.

была впервые совершена торжественная панихида по императорѣ Петру I и всѣхъ участникахъ боя, и съ тѣхъ поръ княземъ Куракинымъ было установлено, чтобы такая панихида ежегодно совершалась 26 июня, что свято выполняется и донынѣ.

Видъ Шведской могилы въ моментъ совершения панихиды 26 июня 1804 г. Съ гравюры Стадлера.

Затѣмъ приступлено было къ подготовительнымъ работамъ по сооруженію монумента на Александровской площади. Въ этихъ подготовительныхъ работахъ много потрудились тогдашній городничій Значко-Яворскій и городской голова Илья Прокофьевъ, получившіе за это, по ходатайству князя, первый—царскій подарокъ, а второй—золотую медаль для ношенія на шеѣ. Проектъ монумента былъ составленъ извѣстнымъ профессоромъ Академіи художествъ Томасомъ де-Томаномъ. Памятникъ представляетъ высокую колонну, на верху которой орелъ съ лавровымъ вѣнкомъ во рту, обращенный къ полю сраженія. Пьедесталъ сдѣланъ изъ

Видъ памятника Полтавской победы, сооруженного по мысли кн. Куракина.

мѣстнаго гранита, добытаго въ Келебердѣ (Кременчуг. уѣзда), и окружено 18-тью пушками, изъ которыхъ 10 взяты изъ бастіоновъ бывшей полтавской крѣпости, а 8 отняты у шведовъ при

Переволочной. Самъ авторъ проекта такъ описываетъ его: «Такъ какъ колонна эта тріумфальный памятникъ, воздвигнутый въ память Петра Великаго, въ честь самаго памятнаго и рѣшительнаго события его царствованія, то я старался дать всей этой композиціи характеръ оригинальный и, такъ сказать, присущій герою и его торжеству. Съ этою цѣлью я прибегнулъ къ аллегоріямъ простымъ, но точнымъ и яснымъ. Колонна изъ желѣза въ 4 куска, и чтобы скрыть ихъ соединеніе, каждый шовъ закрытъ вѣнкомъ: первый изъ лавра и пальмъ, второй изъ лавра, а третій изъ дубовыхъ листьевъ. Промежутки между вѣнками заполнены изображеніями перекрещеннаго оружія. Капитель образована изъ большихъ листьевъ, надъ которыми возвышается цоколь,увѣнчанный полусферой, на коей распространѣ свои крылья орелъ, держацій въ когтяхъ молії войны и въ клювѣ лавровый вѣнокъ». Проектъ памятника былъ одобренъ государемъ, при чёмъ самъ императоръ Александръ I изъявилъ желаніе принять на свой счетъ бронзовыя украшенія. Вотъ его указъ по этому поводу князю Куракину: «Указомъ, въ 11 день сентября 1804 года Правительствующему Сенату даннымъ, согласно желанію, отъ полтавскихъ гражданъ изъявленному, предназначены были доходы, возвращенные сему городу съ принадлежащихъ ему прежде деревенъ, обратить на сооруженіе монумента въ воспоминаніе побѣды, одержанной подъ Полтавою государемъ императоромъ Петромъ Великимъ. Споспѣшствуя сему благому намѣренію полтавскихъ гражданъ, и желая быть участникомъ въ сооруженіи памятника, знаменующаго происшествіе столь славное и для каждого россіянина толико достопамятное, препровождаю къ вамъ, при семъ планы монументу сему, здѣсь составленные, поручаю вамъ, согласно прежнимъ распоряженіямъ, приступить къ устроению его на мѣстѣ, за исключеніемъ бронзовыхъ украшеній, къ нему принадлежащихъ, кои особено здѣсь будутъ сдѣланы и доставлены къ своему назначенію». ¹⁾ Первоначальная сѣмьта памятника была 48,109 р. 58 к., но обошелся онъ въ 135 тыс.

¹⁾ Арх. П. Губ. Правл. по описи. № 154.

достающія деньги были пополнены изъ капитала въ 300 тысячъ, отпущенаго по ходатайству кн. Куракина изъ ассигнаціонаго банка на окончаніе памятника и устройство богоугодныхъ заведеній въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ.¹⁾ Памятникъ не былъ готовъ къ столѣтію битвы; онъ былъ открытъ лишь 27 іюня 1811 г. На это торжество прибылъ изъ Переяслава епископъ полтавскій Феофанъ, сказавшій при этомъ слово²⁾. Извѣстный писатель того времени В. В. Каинистъ (1757 † 1824), служившій въ полт. генеральному судѣ и бывшій затѣмъ губернскимъ предводителемъ дворянства, прочелъ слѣдующее свое стихотвореніе.

«Красуйся, торжествуй, Полтава,
 И лавръ обвей вокругъ чела:
 Твоя днесъ обновилась слава,
 Какъ юность древняго орла.
 Ты зреяла, какъ здѣсь Левъ Полноцій
 Кровь чадъ твоихъ рѣками лилъ,
 И какъ его десницей мощной
 Самисонъ Россійскій поразилъ.
 Петровой подражатель славы
 Днесъ новый лавръ и пальмы нілетъ
 Въ побѣдныя поля Полтавы
 Изъ поля собственныхъ побѣдъ.
 Что Петръ девятилѣтий бранью
 Въ поляхъ полтавскихъ заложилъ,
 То Александръ могушею дланью
 Чрезъ вѣкъ въ единый годъ свершилъ.
 Съ восторгомъ зри средь поля бранна
 Днесъ имъ воздвигнутый трофей,
 Въ честь предка славою вѣнчанна
 И въ память вѣрности твоей.

¹⁾ Арх. Пол., Г. Земства. 1808 № 107.

²⁾ Напечатано въ Полт. Еп. Вѣд. 1863 г. № 3.

Столѣтіе побѣды Россовъ
Днесъ празднествомъ почтиль твой Царь:
Ты, вмѣсто мраморныхъ колоссовъ,
Въ сердцахъ поставь ему алтарь,
Взнеси моленіе усердно
Къ Царю царей, Отцу щедротъ,
Чтобъ царство мудро, милосердно
Продлилъ онъ съ славой въ родъ и родъ¹⁾

На торжествѣ открытия памятника присутствовалъ И. О. Судіенко, тайный совѣтникъ, членъ почтоваго управлениія, завѣдывавшій имѣніями извѣстнаго вельможи кн. Безбородъка. Подъ впечатлѣніемъ открытия памятника, воскресившаго событие, имѣвшее столь громадное значеніе для Россіи, И. О. Судіенко внесъ лично въ Стародубское казначейство 50 тысячъ р., а его душеприказчикъ—въ полтавскій Приказъ общ. призрѣнія еще 50 тыс. съ тѣмъ, чтобы на полѣ полтавскомъ быть устроенъ храмъ, а на остатокъ—богадѣльня дляувѣчныхъ и больныхъ воиновъ черниговской и полтавской губерніи²⁾.

Въ годъ закладки памятника, открыты были въ Полтавѣ богоугодныя заведенія,—предметъ постоянныхъ заботъ кн. Куракина. Подъ богоугодными заведеніями тогда разумѣли не только больницу, но и родильный или госпитальный пріютъ, богадѣльню и домъ для психически-больныхъ. До открытия ихъ въ Полтавѣ была больница, содержимая городомъ. Больница была построена тамъ, где она находится и нынѣ; до постройки это было поселокъ съ домами, принадлежавшій Степану Куліку и др. На первоначальное обзаведеніе больницы городомъ было ассигновано 6 тыс. р. и на содержаніе 4200 р. Помимо этого, было еще отпущено 50 тыс. на постройку зданія. Построена она была па 60

¹⁾ Чтенія при Моск. Университетѣ 1847 г., т. IX и Полт. Губ, Вѣдомости 1848 г., № 10.

²⁾ О судьбѣ этого капитала, впервые израсходованнаго въ 1850-хъ годахъ, будетъ сказано въ дальнѣйшихъ выпускахъ.

кроватей, но уже въ первый годъ въ ней больныхъ было 114 ч. За лѣченіе и содержаніе больного взималась плата по 5 р. въ мѣсяцъ. На пищу больныхъ отпускалось въ сутки на человѣка по $6\frac{1}{4}$ к. На улучшенный столъ для нѣкоторыхъ больныхъ—дворянъ и чиновниковъ—отпускалась въ годъ сумма въ 100 р. На лѣкарства, въ первые годы, тратилось въ годъ 18 р. въ среднемъ на человѣка—сумма значительная, что указываетъ на дороживизну лѣкарствъ того времени.

Штатъ служащихъ въ больницѣ былъ не великъ. Врачъ получалъ жалованья всего 400 р.; при немъ было два помощника,—лѣкарскіе ученики, одинъ съ содержаніемъ въ 100 р., а другой—въ 75. Смотритель больницы получалъ 90 р. Было еще четыре надзирателя съ жалованьемъ по 36 р. въ годъ и четыре надзирательницы—по 24 р. каждой¹⁾. Попечителями богоугодныхъ заведеній были мѣстные дворяне, первымъ былъ кн. Эристовъ, пробывшій до 1811 года, затѣмъ совѣтникъ генерального суда Сахновскій, а за отказомъ послѣдняго—Левенецъ, тоже мѣстный дворянинъ. Въ числѣ попечителей, при генераль-губернаторѣ Репнинѣ, былъ извѣстный малорусскій поэтъ И. П. Котляревскій. Первымъ врачомъ больницы былъ Андрей Афанасьевичъ Кондуря. Онъ учился въ университетѣ въ Галле, а затѣмъ въ 1800 г. держалъ экзамень въ государственной медицинской коллегіи, разрѣшившей ему практику. Сначала онъ жилъ въ Нѣжинѣ, а затѣмъ перебѣхалъ въ Полтаву, гдѣ былъ врачомъ съ 1802 г. при городской больницѣ. Жалованья онъ не получалъ; мало того, свои сбереженія (1500 р.) онъ отдалъ на улучшеніе богоугодныхъ заведеній, что видно изъ его прошенія на высочайшее имя о выдачѣ ему аттестата о службѣ до назначенія его врачомъ въ богоугодное заведеніе²⁾.

Въ ноябрѣ 1805 года жена генераль-губернатора, княгиня Наталія Куракина, подала заявленіе своему супругу о желаніи пожертвовать всю церковную утварь, если будетъ устроена при

¹⁾ Ар. Губ. Правл. 1804 г. № 154.

²⁾ Арх. Губернскаго Земства 1802 г. № 54, № 609.

Томъ 78.—Іюль-августъ, 1902.

больницѣ церковь. Смѣта на церковную утварь была исчислена въ 2111 р. 32 к. Церковь была устроена въ верхнемъ этажѣ нынѣшняго главнаго корпуса¹⁾.

При богоугодномъ заведеніи кн. Куракинъ былъ устроенъ ботаническій садъ. Дороговизна лѣкарствъ навела его на эту мысль. Упомянувъ въ своеемъ предписаніи Приказу объ устройствѣ сада кн. Куракинъ говорить: «чтобы усилить способы къ усовершенствованію самаго учрежденія аптеки, устроеніе ботаническаго сада при ней я почитаю необходимымъ и тѣмъ не менѣе для самаго Приказа общественнаго призрѣнія полезнымъ, что онъ, получая для аптеки своей домашнія свои произростанія, замѣнить многія денежныя издержки на то потребныя»²⁾. Неутомимымъ помощникомъ князя въ устройствѣ сада былъ аптекарь Иванъ Сессъ, о которомъ мы уже говорили. Онъ составилъ смѣту на необходимыя постройки, а именно: двухъ оражерей, выкопку большой ямы для скопленія дождевой воды и небольшого жилья для прислуги. Все это стоило 5045 р. с.: Планировка мѣстности, ея ограда—549 р. Ему помогали депутатъ генеральнаго суда майоръ Остроградскій и губернскій архитекторъ Афросимовъ. Покупка сѣмянъ стоила 430 р. с. Черезъ два года, въ 1807 году, ботаническій садъ могъ уже продавать растенія, и продано было на 143 р. Смѣта на его содержаніе была 500 р., изъ которыхъ только 300 р. отпускалъ Приказъ, а остальные покрывались доходами отъ продажи растеній. Разводились, главнымъ образомъ, лѣкарственные растенія: мятѣ четырехъ сортовъ (перечная, кудрявая, рута, чесокъ), божье деревцо, можевельникъ, который разводился въ большомъ количествѣ, такъ какъ онъ служилъ дезинфицирующимъ средствомъ для больницъ. Садовникъ былъ нѣмецъ, котораго выписали и платили ему 50 р. въ годъ.

При больницѣ былъ устроенъ тѣмъ же кн. Куракинъ «родильный госпиталь». Въ 1804 г. прибыли въ Полтаву двѣ акушерки, окончившія институтъ въ Петербургѣ. Это и навело

¹⁾ Арх. Губ. Земства, 1808 г., № 113.

²⁾ Арх. Губ. Земства, 1805 г., дѣло № 1509.

князя на мысль устроить родильный госпиталь, чтобы воспользоваться знаніемъ этихъ лицъ, получившихъ специальное образованіе. «Пользуясь благотворительнымъ для человѣчества случаемъ, извѣстною, вашему пр—ву (писалъ онъ губернатору) присылкою въ Полтаву двухъ бабокъ, окончившихъ въ С.-Петербургскомъ институтѣ, намѣренъ я здѣсь устроить «родильный госпиталь» на 6 кроватей, для помощи неимущимъ, столь много отъ недостатковъ своихъ во время разрѣшенія страждущимъ. Предполагая поручить учрежденіе сіе помянутымъ бабкамъ, прошу васъ, милостивый государь мой, на первый случай для помѣщенія оного нанять домъ». Такъ какъ эти двѣ акушерки числились при враѣбной управѣ, то кн. Куракинъ считалъ достаточнымъ прибавить имъ еще немногого; старшей 80 р., а младшей 70 р. Деньги 300 р. были отпущены Приказомъ общ. призрѣнія, но вся эта сумма даже не издерживалась,—бывали остатки²⁾.

Надо сказать, что кн. Куракинъ былъ очень сердечный человѣкъ, всегда чутко относившійся къ бѣдняку, страждущему, и много дѣлавшій въ этомъ отношеніи. Имъ же была организована въ 1805 г. богадѣльня. Всѣхъ призрѣваемыхъ было 73 чел. При немъ нищіе не могли ходить по городу и просить милостыни; имъ запрещено было сидѣть на многолюдныхъ улицахъ,—ихъ забирали и отправляли въ богадѣльню, а на содержаніе ихъ дума ассигновывала ежегодно по 500 р.³⁾. Бывали въ то время и частныя пожертвованія на содержаніе нищихъ, хотя частная благотворительность въ то время вообще мало была развита. Нѣкто Евреиновъ пожертвовалъ капиталъ въ 4 тыс. р.: 2 тысячи въ полтавскій Приказъ и двѣ—въ черниговскій съ тѣмъ, чтобы на проценты содержали по 6 нищихъ⁴⁾. Городничій Значко-Яворскій собиралъ иногда для содержанія нищихъ деньги въ храмахъ.

Заботы о привитіи осны младенцамъ также очень занимали князя Куракина: это было дѣло новое для того времени. Приви-

1) Ар. П. Г. Земства 1805. № 63.

2) Арх. Губ. Земства, 1804., № 32.

3) Арх. Губ. Правл. по описи № 278,

4) Арх. Губ. Земства, 1802, № 122.

тіемъ оспы занимался врачъ Кондура, когда жилъ въ Нѣжинѣ, гдѣ онъ привилъ ее 600-мъ младенцамъ. Въ Полтавской губерніи занимались привитіемъ ея гадячскій врачъ П. Я. Барабашъ, золотоношскій—Г. Костюковскій и харьковскій—Александръ Свѣтловскій¹⁾. Къ сожалѣнію, мы не нашли въ архивѣ статистическихъ данныхъ о количествѣ сдѣланныхъ прививокъ. За это доброе дѣло кн. Куракинъ былъ удостоенъ Высочайшей признательности: «Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ,—читаемъ въ указѣ императора Александра I, 1804 г.—представилъ мнѣ дошедшія отъ васъ вѣдомости о привитіи въ истекшемъ году коровьей оспы по губерніямъ малороссійскимъ. Съ удовольствіемъ видя изъ числа младенцевъ, коимъ благополучно совершено сіе прививаніе, что столь благодѣтельное изобрѣтеніе попеченіемъ вашимъ имѣть добрый успѣхъ въ губерніяхъ, начальству вашему ввѣренныхъ, я свидѣтельствую вамъ совершенную мою признательность, поруча вмѣстѣ съ симъ изъявить благоволеніе мое и тѣмъ врачебнымъ чинамъ, кои въ дѣлѣ семъ оказали свое усердіе»²⁾. Заканчивая обзоръ благотворительныхъ учрежденій, бывшихъ въ завѣдываніи Приказа общ. призрѣнія, упомянемъ объ учрежденіи дома для психически-больныхъ, содержаніе котораго обходилось въ годъ въ тысячу рублей. Въ іюль 1804 г., когда его открыли, было принято больныхъ 6 ч., но къ 1 января слѣдующаго года число ихъ возрасло до 16 человѣкъ³⁾.

И. Ф. Павловскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Двор. архивъ 1803. № 5.

²⁾ Арх. Губ. Правл. 1804 № 252.

³⁾ Арх. Губ. Правленія, № 277.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ

1902 г.

КІЕВЪ.

Типографія Імператорскаго Університета Св. Владіміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

Полтава въ началѣ XIX вѣка.

(Окончаніе 1).

VI.

Забота Куракина о расширениі городской черты и объ устройствѣ домовъ. Стоимость земли. Планы города. Дороговизна квартиръ и мѣра, принятая губ. Сонцевымъ. Дороговизна соли и мяса. Цѣны на продукты того времени. Войско въ Полтавѣ. Вступленіе полка въ городъ и заботы думы. Пожарный обозъ. Полиція. Доходы города. Арендныя статьи: винный откупъ, лавки, герберги и проч. Съѣзжія избы, смирильные и рабочіе дома. Заботы кн. Куракина о благоустройствѣ города—устройство мостовыхъ, бульваровъ и проч. Стихотвореніе князя Вяземскаго, воспѣвшаго полтавскую грязь.

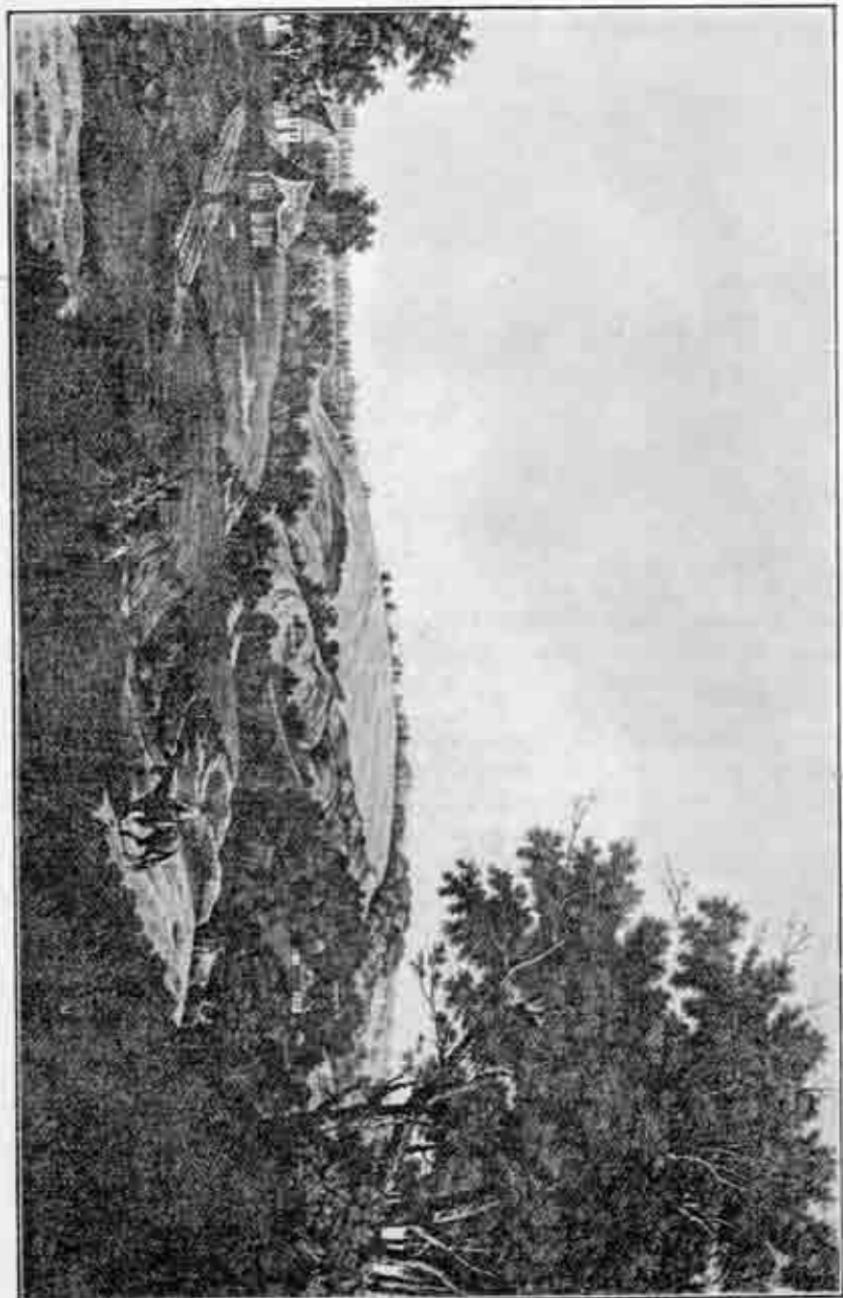
Мы видѣли, какъ невелика была площадь, занимаемая городомъ въ 1802 г. Князь Куракинъ, по вступленію въ должность, приступилъ къ расширенію городской черты. Покупались земли, главнымъ образомъ, у казаковъ, казенныхъ крестьянъ и у мелкопомѣстныхъ дворянъ, но рѣдко у крупныхъ. Изъ послѣднихъ только Чарышъ имѣлъ землю въ предмѣстіи Полтавы, Павленкахъ. Имѣвшіе земли ближе къ центру города получали въ замѣнѣ ея гдѣ-нибудь ближе къ окраинѣ, если этого желали, или получали деньги. Земли эти затѣмъ продавались тѣмъ, кто давалъ обязательство строить дома въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ. Продавались, по преимуществу, дворянамъ и чиновникамъ, какъ болѣе зажиточнымъ.²⁾

1) См. Кіев. Ст. № 7—8.

2) Арх. Гор. 1802—4 г.г.

Томъ 78.—Сентябрь, 1902

Видъ окрестностей Полтавы изъ городского сада, въ 1804 году. Съ гравюры Сталлера.

Сажень земли продавали по 3 или $3\frac{3}{4}$ коп. Самъ кн. Куракинъ пріобрѣть для себя 2 дес. 660 саженей, которые въ 1808 году продалъ городу черезъ своего повѣренного, бывшаго городничаго, Значко-Яворскаго, за 6380 р. вмѣстѣ съ постройками.

Домъ, длиною 8 арш., шириною $6\frac{1}{2}$, рубленый, но, конечно, крытый соломой, былъ оцѣненъ въ 35 р., каменный погребъ въ 200 р. Продажею и куплею земли завѣдывала городская Дума. Послѣ покупки и промѣна земель былъ составленъ планъ города и планы въ отдельности усадебъ, при томъ, какъ говорили тогда, «въ тройцѣ», т. е. въ трехъ экземплярахъ. Первый планъ города былъ сдѣланъ въ 1803 году, а затѣмъ въ 1811 г.; въ послѣдній планъ были включены все земли, вонедія въ новую городскую черту¹⁾. По проекту кн. Куракина, все улицы получили наименованія, а дома номера. Нумерацію домовъ Полтава возобновила только три года пазадъ, да и то не на всѣхъ улицахъ. Название улицъ было даваемо по учрежденіямъ, мимо которыхъ они были проложены; напр., острожная, монастырская, ведшая къ монастырю, ярмарочная, ведшая къ ярмарочной площади и. т. под. Но названій въ честь лицъ мы не встрѣчаемъ, за исключеніемъ Александровской улицы, въ честь императора Александра I.

Съ первого же года, по открытіи губерніи, началась усиленная постройка домовъ. Въ квартирахъ ощущался большой недостатокъ въ виду прибытія многихъ чиновниковъ на службу въ разныя учрежденія. Да и квартиры были очень дороги, на что обратилъ вниманіе губернаторъ Сонцевъ, давшій по этому поводу въ 1802 г. очень интересное предписаніе Думѣ: «По новому устроенію полтавской губерніи, опредѣлившіеся къ должностямъ по гражданской части разныхъ чиновъ люди, не имѣя здѣсь своихъ домовъ, пуждаются крайне въ квартирахъ, болѣе и по причинѣ той, что большая часть оныхъ занята для квартирующаго тутъ мушкательского полку. И какъ не можно полагать того, чтобы оные чины могли имѣть скоро свои собственные дома, а дотолѣ будуть претерпѣвать ощутительно невыгоду, такъ и жители города, по необходимости уже помѣщеніемъ ихъ въ своихъ домахъ, стѣсняются», то въ виду этого онъ, губернаторъ, по долгу своему, заботясь «о пользѣ и выгодѣ всѣхъ и каждого», и предписалъ Думѣ: «войдя обще съ магистратомъ въ разсмотрѣніе вышеписан-

¹⁾ Арх. Г. Земства № 98.

ныхъ обстоятельствъ, сдѣлать со стороны своей положеніе на такомъ основаніи, дабы жители, получая плату, пользовались отъ домовъ выгodoю, а постоянцы не были излишне за плату отягощены, назнача оную по обширности постройкъ и прочихъ избъ». Здѣсь мы встрѣчаемся съ интересной попыткой нормированія платы за квартиру соотвѣтственно объему занимаемой ею площа-
ди,—фактъ для того времени очень интересный. Теперь лучше наши статистики пользуются этой нормой, какъ наиболѣе справедливой, при оцѣнкѣ недвижимости для взиманія, напр., городского налога. Дума вмѣстѣ съ магистратомъ, разсматривала предложеніе губернатора и порѣшила: «Въ сходство его превосходительства новеллію, положить примѣрныя цѣны жилымъ, подвѣдомственныхъ магистрату людей, покоямъ (комнатамъ), кроме службъ, т. е. кухни и погребовъ, яко на общую всѣхъ выгоду нужныхъ, а также сараймъ, амбарамъ и конюшнямъ: 1) покой (т. е. комната) на лѣтніе и зимніе мѣсяцы, съ дровами панимающаго, а не на хозяйскихъ, длиною и шириной въ 2 куб. сажени,—3 р. сер.; 2) сарай для экипажей деревянный, длиною и шириной 3 сажени,—15 р. въ годъ; 3) амбаръ для складки вещей также деревянный, длиною и шириной въ 2 куб. сажени, въ годъ 14 р.; 4) конюшня съ подножнымъ помостомъ за сажень въ годъ 3 р. сер. ¹⁾

Помимо квартиръ, губернаторъ Сопцевъ обратилъ вниманіе и на дороговизну двухъ главныхъ продуктовъ: соли и мяса. Соль въ то время доставлялась изъ Крыма чумаками и, какъ всѣ привозные товары, всегда была дороже товаровъ мѣстного производ-
ства. Цѣна пуда соли въ 1805 году достигла до 1 р. 20 к. Сопцевъ нашелъ цѣну эту очень высокой и предписалъ Думѣ установить болѣе низкую таксу. Дума назначила 72 к. за пудъ. ²⁾

Стоимость мяса была 1 р. за пудъ. Сопцевъ предписалъ Думѣ назначить таксу меньшую, чтобы «доставить жителямъ города чужное пособіе для прокормленія». Предвидя стачку мясни-

¹⁾ Гор. Арх. № 120, 996, 125, 1802 года.

²⁾ Гор. Арх. 1805 № 1735.

ковъ, Сонцевъ предписалъ, въ случаѣ ихъ несогласія на пониженіе цѣнъ, вызвать иногороднихъ мясниковъ, оповѣстивъ черезъ городничихъ и нижніе земскіе суды о вызовѣ желающихъ. Дума два раза дѣлала публикацію, но изъ архивныхъ бумагъ не видно, чѣмъ окончилось это дѣло. Можно полагать, что, пока шла переписка, Сонцевъ выбылъ изъ Полтавы на прежнее свое мѣсто—воронежскаго губернатора, и дѣло окончилось ничѣмъ¹⁾). Будетъ кстати познакомиться съ цѣнами того времени и на другіе продукты: мѣшокъ житной муки (не менѣе 2 пуд.) стоилъ 45 коп.; мѣшокъ гречневой муки 50 к., 1 пудъ крупы 66 к., четверикъ пшена (8 гарнцевъ) 69 к., четверикъ ржаной муки 23 к., четверть овса 75 к., пудъ сѣна 5 к., затѣмъ пѣна была 9 к. и 11 к., копна соломы 17 к. и 40 к., свиное сало 1 п. 2 р. 40 к. и 2 р. 60 к.: ведро олеи 2 р. 20 к., 1 ф. воска 60 к., 1 пудъ меда 6 р., 1 пудъ уксуса 1 р., смолы 1 ф. 13 к., дегтя 1 кварты 25 к., сальныхъ свѣчей 1 пудъ 4 р. 60 к., дровъ сажень отъ 4 р. 50 к. до 7 р.

На обязанности городской Думы лежала тогда забота о войскахъ, пожарномъ обозѣ, освѣщеніи города и т. под. Войска въ то время въ Полтавѣ было очень мало. Въ годъ открытія губерніи въ ней былъ расположень гарнизонъ изъ 116 солдатъ, во главѣ съ капитаномъ, у котораго были въ подчиненіи два офицера—поручикъ и подпоручикъ. Капитанъ получалъ жалованья 267 р. 36 $\frac{1}{4}$ к. въ годъ, поручикъ—171 р. 78 $\frac{1}{2}$ к., а подпоручикъ 146 р. 38 $\frac{1}{2}$ к.

Все содержаніе гарнизона обходилось въ 1726 р. 2 $\frac{1}{2}$ к. въ годъ. На Думѣ же лежала забота о наймѣ квартиръ для войскъ, устройствѣ лазарета, бани и. т. под. До 1804 года солдаты были распределены по квартирамъ у домовладѣльцевъ, но съ 1804 года по особому ходатайству князя Куракина, городъ былъ освобожденъ отъ военнаго постоя. ²⁾ Весною 1806 г. въ Полтаву всту-

¹⁾ Гор. Арх.—1805, № 54, 1055.

²⁾ Арх. Губ. Правл. № 116 и Арх. Губ. Земства, № 3, листъ № 157, и Указы 1802 года.

пиль на постоянное пребываніе Новоингерманландскій мушкательскій полкъ и при немъ «половина артиллерійской роты». Тотчасъ же полицеймѣстерь далъ предписаніе Думѣ «озаботиться предоставить шефу (т. е. командиру) квартиру съ дровами, главную гауптвахту, при ней устроить мостъ, сошки для ружей, двухъ барабановъ и одного знамени, для часовыхъ будку, при въѣздахъ на харьковскомъ и московскомъ гауптвахтахъ на каждомъ въѣздѣ барабанъ и будки для часовыхъ, шлагбаумы съ цѣпями», а также все необходимое для лазарета: кровати, скамейки, свѣчи и т. п.¹⁾ Дума не пожелала исполнить эти требованія, такъ какъ не имѣла предписанія отъ своего начальства, да и не знала, на какія средства все это сдѣлать. Губернское Правленіе предписало Думѣ безпрекословно все исполнить.²⁾ Но этимъ не ограничивались требования военныхъ властей, очень скоро потребовавшихъ отъ Думы, черезъ полицеймѣстера, отвода пастбища для лошадей. Дума снова отказалась потому, что луга ея были отданы въ аренду. Завязалась переписка, и дѣло кончилась тѣмъ, что Губернское Правленіе признало Думу необязанною исполнять послѣднее требованіе, какъ незаконное. Это едва-ли не единственный примѣръ за первые годы существованія Полтавы, какъ губернского города, когда губернское Правленіе стало на сторону Думы.³⁾ Лагерь полка былъ расположенъ въ с. Яковцахъ, въ пяти верстахъ отъ Полтавы. Дорога къ нему шла по оврагамъ, что особенно затрудняло сообщеніе въ ненастное время. Князь Куракинъ обратилъ на это вниманіе и предписалъ Думѣ исправить эту дорогу, несмотря на то, что она была виѣ городской черты и по закону Дума могла этого и не исполнить.

Содержаніе пожарного обоза лежало по закону на обязанности Думы. Въ началѣ 1802 года городъ былъ раздѣленъ на три полицейскія части, но въ 1804 г. число частей было уменьшено до двухъ; въ каждой изъ нихъ былъ пожарный обозъ и по одному

¹⁾ Гор. Арх. 1806 г., № 849, л. 74.

²⁾ Гор. Арх. 1806 г., № 15028.

³⁾ Гор. Арх. 1806 г., № 1333 и № 13252.

«огнеспасительному майстеру», какъ называли тогда брандмейстеровъ. Этихъ мастеровыхъ нельзя было въ то время найти въ Полтавѣ. Обыкновенно публиковали о вызовѣ человѣка, «который могъ бы содѣйствовать при пожарахъ огнеспасительными трубами»... Однимъ изъ тогдашихъ брандмейстеровъ былъ майоръ Терещенко, очевидно большой любитель этого дѣла, такъ какъ его чинъ далеко не соотвѣтствовалъ классу должности. При каждомъ обозѣ, помимо десяти бочекъ, куда впряженісь лошади, были устроены еще десять бочекъ, очень легкихъ, на двухъ колесахъ, куда вместо лошадей употреблялись рабочіе, обязанные возить воду на мѣсто пожара. Помимо этого, каждый домовладѣлецъ обязанъ былъ имѣть кадку съ водой въ своемъ дворѣ; это была небезполезная предосторожность, такъ какъ дома въ Полтавѣ были крыты, за малыми исключеніями, соломой. Цѣна обозной лошади въ то время была 24 р. с., а на фуражъ ея отпускалось ежемѣсячно по 2 р.¹⁾ Содержаніе всей пожарной команды стоило въ годъ 1272 р. 50 к.

Какъ въ огороженіи города отъ пожара было привлечено къ участію и само общество, то же самое мы видимъ и въ дѣлѣ огороженія отъ опасностей, кражъ и т. п. Во главѣ поліції стоялъ городничій, а съ 1804 г. городничій былъ переименованъ въ поліцеймѣстера, содержаніе котораго было 450 р. У него было два частныхъ пристава съ жалованьемъ по 300 р. и четыре квартальныхъ надзирателя, каждый съ жалованьемъ по 200 р.

По всему городу, по распоряженію кн. Куракина, были расположены десятники (числомъ 50), находившіеся на своихъ постахъ день и ночь. 36 десятниковъ было изъ самихъ обывателей, отбывавшихъ эту повинность по очереди, при чёмъ не возбранялось вмѣсто себя поставить другого. Не являвшихся къ отбытию этой повинности штрафовали. Были десятники и отъ Думы, получавшіе по 40 р. въ годъ. По городу были разставлены вездѣ будки, гдѣ могли бы укрыться, въ случаѣ ненастія, эти десят-

¹⁾ Гоп. Арх. 1802 г., № 2721, 1804 г., стр. 154, 1805 г., № 786.

ники. ¹⁾ За поліцієй строго слідилъ князь Куракинъ. Въ 1802 году квартальний надзиратель Плотниковъ явился ночью въ домъ Златоржевскаго арестовать женщину. Послѣдній жаловался князю, который оштрафовалъ надзирателя 25 р., что превышало его мѣсячный окладъ. Деньги эти обыкновенно поступали въ Приказъ Общ. Призрѣнія на благотворительныя дѣла. ²⁾

Несмотря на такие расходы, какъ содержаніе пожарного обоза, войска и т. под., у Думы не только хватало средствъ, но всегда были остатки. Къ 1 января 1802 г., т. е. ко времени открытия губерніи, городская Дума имѣла остатокъ отъ 1801 года 14844 р. 50 к. И въ послѣдующіе годы всегда бывали остатки: въ 1803 г. осталось 4881 р. 31 $\frac{3}{4}$ к. и раздано было 10600 р. на проценты; въ 1803 году—1019 р. 68 $\frac{1}{4}$; въ 1804 г.—1435 р. 89 $\frac{1}{2}$ к. Бюджетъ города простидался: въ 1802 году до 20 тысяч р., въ 1803—до 30 тысячъ, въ 1804 году онъ составлялъ 42141 р., 1805—36125 р. ³⁾

Доходы города были отъ виннаго откупа, найма лавокъ, земель, городскихъ вѣсовъ, отъ свѣчного завода, харчевенъ, герберговъ платы иностранцами за право торговли въ городѣ, взимаемой отъ 1 р. до 100 р. Изъ этихъ доходовъ самымъ крупнымъ былъ отъ виннаго откупа, сдававшагося въ аренду по 11500 р. въ годъ. Состоять онъ въ томъ, что откупщику отдавалась площадь, где нынѣ Новоселовскій базарь, для склада на ней бочекъ съ водкой, откуда онѣ развозились въ харчевни, герберги, кабаки. Площадь эта называлась «бочковая» или «скотская площадь», потому что здѣсь, вѣроятно, продавали и скотъ. Всѣхъ кабаковъ въ Полтавѣ было въ 1802 г. 20 ⁴⁾ и за этотъ годъ было продано 4476 ведерь водки,—въ среднемъ большие немногого ведра на муж.

¹⁾ Гор. Арх. 1805 г., № 786.

²⁾ Гор. Арх. 1802 г., № 167.

³⁾ Гор. Арх. 1802—1805 годы.

⁴⁾ Арх. Губ. Правл. 1804 г., № 200. За откупъ съ 1799 г. по 1802 цѣна аренды была всего 1600 р. а затѣмъ поднялась, ст. учрежденiemъ губерніи, до 11 тыс. (Гор. Арх. 1802 года).

душу. Когда срокъ аренды винного откупа оканчивался, то объявляли новые торги, происходившіе иногда въ присутствіи самого кн. Куракина.

Видимо, откупъ этотъ былъ очень выгоденъ, такъ какъ на торги являлись не только мѣстные жители, но изъ Кременчуга, Елисаветграда и Воронежа. Въ 1802 г. набили на торгахъ цѣну до 15 тыс. р., но генераль-губернаторъ нашелъ ее недостаточной и торговъ не утвердилъ. Тогда нѣкто Поповъ набавилъ еще 500 р., но и это князю показалось недостаточнымъ. И тѣлько послѣ того, какъ Волковицкій, елисаветградскій дворянинъ, сразу прибавилъ 1200 р., мотивируя это тѣмъ, что Полтава—нынѣ губернскій городъ, въ которомъ уже установленъ и приемъ рекрутъ,—торги были утверждены за Волковицкимъ. Замѣчательно, что въ числѣ городскихъ арендаторовъ мы не встрѣчаемъ евреевъ.

Нынѣшняя Сѣнная площадь также была отдаваема въ аренду съ правомъ денежнаго сбора за мѣсто во время ярмарокъ, при чемъ эти сборы не должны были превышать 1 р. 50 коп. за мѣсто. Но арендаторъ бралъ не только съ пріѣзжихъ, но и съ самихъ жителей Полтавы, являвшихся на торги. Когда жители пожаловались на арендатора генераль-губернатору, то сборъ былъ отмененъ. Эта площадь отдавалась съ 1803 г. за 3 тыс. слишкомъ въ годъ. Всѣ аренды въ то время отдавались обычно на четыре года.

Такимъ же источникомъ дохода, приносившимъ сравнительно большой сборъ, былъ наемъ лавокъ; такъ 29 мясныхъ лавокъ, съ скотобойней, находившейся въ самомъ центрѣ города, отдавались въ 1803 года за 422 р. ¹⁾

И въ этой же, самой лучшей части города, на площади, продавали деготь, что запретилъ князь Куракинъ, предписавшій «немедленно приступить къ исправленію такового обстоятельства, для благоустройства города немало упасительнаго». ²⁾

¹⁾ Гор. арх. 1803 г. Въ 1802 г. за нихъ была плата меньше.

²⁾ Гор. Арх. 1805 г. № 175.

Земель городъ имѣль достаточно; не мало было у него и луговъ по берегамъ Ворсклы и Рочизны, но, къ сожалѣнію, въ то время въ Думѣ не велась инвентарная книга и при заключеніи контрактовъ не писалось количество десятинъ, отдаваемыхъ въ аренду, а просто обозначалось: «городское мѣсто около лавокъ», «городское мѣсто на форпостѣ» или около городского вала и т. под. За земли выручалось болѣе 4 тысячъ. Арендные деньги вносились по третямъ и вносились замѣчательно аккуратно, такъ что недоимокъ, составляющихъ теперь обыденное явленіе въ бюджетъ городовъ, не существовало. Неаккуратнаго плательщика обыкновенно не штрафовали, но деньги поступали не въ городскую кассу, а въ Приказъ общ. призрѣнія, па благотворительныя дѣла. Штрафы были небольшие; такъ однажды съ откупщика Морозова велѣно было взыскать всего 9 р. ¹⁾ Если сумма платежа была большая, то насчитывали 6% па третьей взносы, а взысканіе производила полиція. ²⁾

Гостиницъ въ Полтавѣ не было. Кн. Долгорукій, бывшій въ Полтавѣ въ 1810 году, не зналъ, гдѣ ему остановиться. Гостиницы замѣнялись постоянными дворами, называемыми «гербергами». Ихъ было всего три и отдавались они городомъ въ аренду по 50 р. въ годъ, но съ 1805 г. цѣна уже была возвышена до 100 р. съ небольшимъ. Это была выгодная аренда; нерѣдко ее желали взять дворянѣ, но на основаніи указовъ 1770 и 1790 г. герберги могли быть арендены только купцами третьей гильдіи. ³⁾ Харчевни отдавались по 200 р. въ годъ.

Таковы были источники дохода города. Замѣтимъ, что въ то время не существовалъ еще налогъ на имущество горожанъ. А расходы были значительны. Мы уже видѣли, какъ пользовалась администрація городскими средствами и налагала многое на думу. Послѣдняя обязана была содержать и «съѣзжія избы», а также «смирительные и работные дома»—учрежденія болѣе правитель-

¹⁾ Гор. Арх. 1805 г., № 1464.

²⁾ Гор. Арх. 1804 г., № 734.

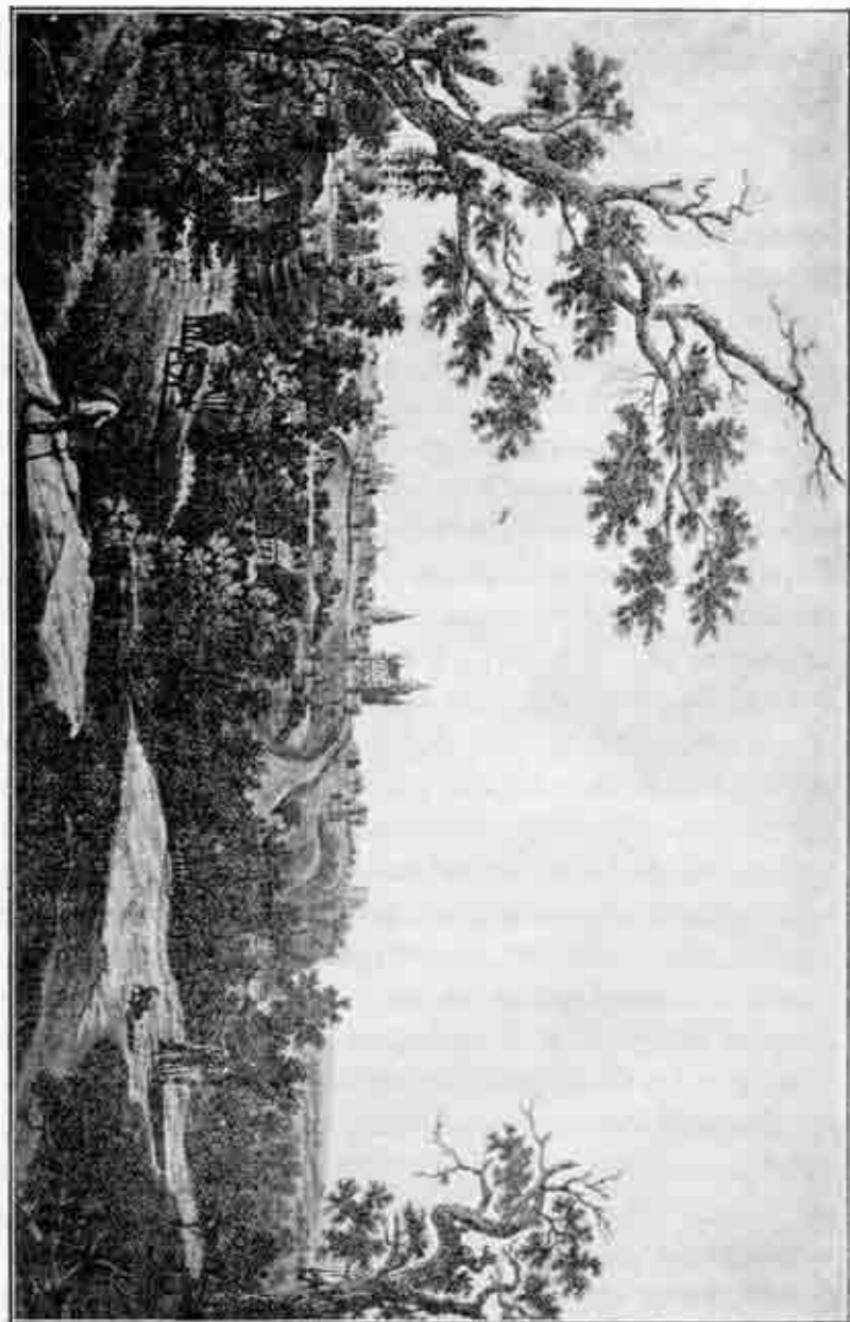
³⁾ Гор. Арх. 1804 г., № 757.

ственныя, чѣмъ общественныя. Подъ именемъ «съѣзжихъ избъ» разумѣлись въ то время арестныя помѣщенія, куда сажали нетрезвыхъ буяновъ и вообще лицъ, нарушающихъ общественную тишину и порядокъ. Такихъ избъ въ Полтавѣ было три. Арестованные здѣсь не проводили праздно времена: ихъ заставляли быть ассенизаторами города. Для лицъ привилегированнаго класса устраивались «смирительные дома», куда попадали по приговорамъ суда обыкновенно за незначительные проступки. Въ «работныхъ домахъ» помѣщались также приговоренные судомъ за кражу на сумму менѣе 20 р., гдѣ они должны были отработать украденныя деньги. До прїѣзда князя Куракина «работного дома» въ Полтавѣ не было, и устроенъ онъ быль по его инициативѣ. 31 декабря 1802 года онъ далъ слѣдующее предписаніе губернатору Сонцеву: «Непрерывные опыты показываютъ, до какой степени стѣсняется участъ несчастныхъ преступниковъ, коихъ законъ опредѣляетъ на работу цѣны ими украденнаго; по неимѣнію здѣсь рабочихъ домовъ, нерѣдко для отработки самой ничтожной суммы, пересылаются они въ Херсонъ и тому подобными образами терпятъ они въ пѣсколько кратъ продолжительное бытіе въ числѣ арестантовъ». Для работныхъ домовъ были напяты небольшія помѣщенія около богоугодныхъ заведеній. На содержаніе этихъ домовъ средства отпускала дума. Князь Куракинъ мечталъ устроить хорошія помѣщенія для этихъ учрежденій, вошелъ уже въ переговоры о покупкѣ земли, но не успѣлъ осуществить этого намѣренія за отбытиемъ въ Петербургъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. За время съ 1802 года по 1808 г. включительно арестованными въ рабочемъ домѣ было выработано всякаго рода издѣлій на сумму 5735 р. ¹⁾

Князь Куракинъ много заботился о благоустройствѣ города, что подтверждаетъ въ путевыхъ замѣткахъ кн. Долгорукій, который говорить, что Куракинъ желалъ сдѣлать «Полтаву въ маломъ видѣ Петербургъ». Замѣчательно, что до прїѣзда Куракина не былъ устроенъ даже мостъ на р. Ворсклѣ, необходимый не только для

¹⁾ Арх. Губ. Земства, по описи № 98.

Видъ Полтавы въ 1804 г. съ Садовой площади черезъ полтавский оврагъ. Съ гравюры Стадлера.

сообщенія жителей, но и для почты, такъ какъ черезъ Ворсклу шелъ почтовый трактъ на Харьковъ и далѣе въ столицы. Вмѣсто моста, существовалъ «водоходный дубъ», или «водоходное судно», какъ его называли жители, который и перевозилъ «курьера съ

письменной почтой». ¹⁾ Князь Куракинъ устраивалъ бульвары, садилъ деревья, по многимъ улицамъ велѣль устроить колодцы съ панѣсами рѣзной столярной работы, устрѣилъ рынокъ. Все это отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ кн. Долгорукій, который вообще не щадить своего пера, чтобы представить Полтаву въ возможно болѣе мрачномъ видѣ. Гостиный дворъ не поправился князю-туристу, по Куракину все-таки и его улучшилъ. Заботился онъ и о мостовыхъ. До него была только одна мощеная улица,—отъ собора до Срѣтенской церкви, онъ же вымостили ихъ мнѣсколько, по мостили мелкимъ щебнемъ, набивая пескомъ, отчего лѣтомъ въ городѣ бывала очень большая пыль и мостовые не отличались прочностью. Мощеніе стоило очень дорого. Построивши богоугодное заведеніе, кн. Куракинъ велѣль замостили ведущую туда улицу и назвать ее «Ново-Полтавской». Проведеніе этой улицы, на разстояніе всего 270 сажень, стоило болѣе семи тысяч рублей. ²⁾

Несмотря на всѣ эти заботы о городскомъ благоустройствѣ, въ Полтавѣ всегда бывала большая грязь не только во время кн. Куракина, но и десятилетія спустя. Князь Долгорукій сообщаетъ въ своихъ запискахъ, что полтавскія дамы ъздили па вечера на волахъ, ³⁾ что подтверждаетъ и Хрушовъ, первый батальонный командиръ Полтавскаго кадетскаго корпуса, впослѣдствіи извѣстный защитникъ Волынскаго редута въ Крымскую войну и генераль-губернаторъ Зап. Сибири. «Весною и осенью,—пишетъ онъ,—въ Полтавѣ была такая грязь, что дамы прѣѣзжали па вечера па волахъ или приходили по мосткамъ». ⁴⁾ Полтавская грязь даже воспѣта извѣстнымъ поэтомъ кн. Вяземскимъ въ его стихотвореніи «Полтава». Говоря въ началѣ объ историческомъ значеніи Полтавы, поэтъ восхищается ея климатомъ, садами, прекрас-

¹⁾ Гор. Арх. 1805. № 827.

²⁾ Арх. Г. Правл. по описи № 267.

³⁾ Долгорукій: Славны бубны за горами.

⁴⁾ Московск. Обозрѣніе, 1872 г. Записки изд. внукомъ Хрущо-вымъ-Сокольниковымъ.

нымъ воздухомъ, но затѣмъ переходить въ мрачное настроеніе и продолжаетъ:

Но и радость смотрить горемъ:
И въ Аркадіи моей
Городъ смотритъ грязнымъ моремъ,
Какъ придетъ пора дождей.

Здѣсь стоять по цѣлымъ суткамъ
И по мѣсяцамъ вода,
И по улицамъ лишь уткамъ
Безпрепятственна Ѣзда.

Такъ!... но трудъ переупрямить
Это зло. Колдуны и вождь
Онь и топь омокадамить ¹⁾).
И проучить наглый дождь.

Русской удали дорогу
Петръ очистилъ здѣсь штыкомъ,
И съ тѣхъ поръ мы, слава Богу,
Кое-какъ себѣ живемъ.

Между тѣмъ, какъ будто шведы,
Чтобъ воздать Полтавѣ зломъ,
Мы ее, ковчегъ побѣды,
Потопленью предаемъ.

Братья!... не грѣшио ли вчужѣ
Видѣть, Господи спаси,
Какъ барахтается въ лужѣ
Городъ славный на Руси?
Поспѣшимъ же безъ оглядки
Ради ближнихъ и добра
Отѣ Тавриды до Камчатки,
Отъ Онеги до Днѣстра,
Отовсюду, гдѣ богато
Слово русское гремить,

¹⁾ Т. е. приспособить.

Гдѣ о горѣ братьевъ свято
 Сердце русское болитъ.
 Всѣ и каждый, общей силой,
 На поминки о Петрѣ,
 Всѣ поможемъ нашей милой
 Утопающей сестрѣ.

Что же? нѣть бѣды въ попыткѣ!...
 Стихъ мой брошу на авось:
 Съ міра просимъ—не по ниткѣ,
 А по камешку намъ брось!...

Нусть откроется подписка—
 И Полтава спасена:
 Ей не нужно обелиска,
 Мостовая ей нужна. ¹⁾

¹⁾) Вяземскій, Въ дорогѣ и дома. Собр. стихотвор. 72—73 стр.

Г л а в а VII.

Заботы Куракина о школахъ. „Предварительные правила“, изд. министерствомъ нар. просвѣщенія. Уѣздное училище. Актъ и стихотвореніе Тисаревскаго. Забота объ открытии гимназіи. Первый директоръ Огневъ и его біографія. Программы гимназій. Преподаваніе. Экскурсіи для учащихся. Заботы Куракина о воспитаніи дворянъ. Проектъ В. В. Капниста устройства „дома для бѣдныхъ дворянъ“. Граносы дворянъ на содержаніе этого „дома“; его штатъ и помѣщеніе. Дворянство подноситъ Куракину табакерку. Стипендіи въ дворянскомъ училищѣ кн. Куракина его жены, Кочубея и Троцкаго.

Забота о насажденіи школъ составляла интересную черту въ дѣятельности князя Куракина. Въ 1803 году онъ дѣлаетъ запросъ черниговскому и полтавскому губернаторамъ о состояніи начальныхъ училищъ въ ихъ губерніяхъ.¹⁾ Еще незадолго до того времени, въ XVIII ст., въ Малороссіи при всѣхъ церквяхъ существовали школы, где обучали грамотѣ по преимуществу дѣячки; но въ началѣ XIX ст. такихъ школъ въ Полтавѣ не было уже ни при одной церкви. Народнымъ образованіемъ было сильно заинтересовано министерство народнаго просвѣщенія, открытое въ 1802 г.

Первымъ министромъ былъ гр. П. В. Завадовскій. Въ 1803 г. составлены были «Предварительные правила народнаго просвѣщенія», —нѣчто въ родѣ устава всѣхъ школъ. По этимъ правиламъ, министерство проектировало четыре типа школъ: начальная школа, уѣздное училище, гимназія и университетъ.

Изъ такихъ школъ въ Полтавѣ въ 1802 г. было одно только уѣздное училище, открытое въ 1799 году. Штатъ его былъ не

¹⁾ Арх. Губ. Правл. № 153.

великъ: смотритель, получавшій жилованье 300 р., два учителя,— по 250 р., законоучитель—75 р. и учитель рисованія—75 р. На наемъ помѣщенія, прислуги и пр. отпускалось 300 р. Такимъ образомъ стоимость училища составляла 1250 р., которые и отпускались отъ казны. До изданія министерскихъ правилъ средства на это училище отпускала городская дума. Преподавались въ уѣздномъ училищѣ слѣдующіе предметы: грамматика россійскаго языка и мѣстнаго, какъ-то: польскаго, нѣмецкаго и проч. (что не относилось къ полтавскому училищу), сокращенія географія и исторія, первоначальная основанія геометріи и естественныхъ наукъ, а также «наставленіе въ должностяхъ человѣка и гражданина (нѣчто въ родѣ законовѣдѣнія) и практическія знанія, полезныя для мѣстной промышленности и края». Общій надзоръ за училищами принадлежалъ университету, но непосредственнымъ ихъ начальникомъ былъ директоръ училищъ губерніи. Директору предписывалось «принимать смотрителей и учителей ласково и не оставлять ихъ дѣломъ и совѣтомъ, какъ въ классныхъ, такъ и въ собственныхъ ихъ нуждахъ, нерадивыхъ же убѣждать къ исполненію должностей повторительными имъ напоминаніями, но не усмотря ихъ исправленіе, доносить о томъ безпристрастно университетскому начальству. ¹⁾ Первымъ смотрителемъ полтавскаго уѣзднаго училища былъ И. Н. Зозулинъ, оставилъ хорошия по себѣ воспоминанія. Съ открытиемъ полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ, Зозулинъ былъ тамъ преподавателемъ. Скончался онъ въ глубокой старости, въ сороковыхъ годахъ. Первый выпускъ училища былъ въ 1803 году. Актъ былъ очень торжественно устроенъ; на немъ присутствовали всѣ власти города. На этомъ актѣ учитель Тиссаревскій прочиталъ свое стихотвореніе, посвященное воспоминанію полтавской битвы. Замѣтимъ, что это было едвали не первое стихотвореніе, посвященное этому событию; уже впослѣдствіи его воспѣвали Шаховской, Мерзляковъ и др. Вотъ подлинный текстъ этого произведенія мѣстной патріотической музы:

¹⁾ Арх. Губ. Правл. № 164 1803.

Среди собора нынѣ освященна,
 Среди сердечныхъ алтарей,
 Стоитъ могила возвышена,
 Въ которой тлѣеть прахъ мужей,
 Что градъ Полтаву защищали
 И Карловъ мечъ пренебрегали,
 Сражаясь, проливали кровь,
 Чтобъ Россамъ счастіе доставить,
 Передъ цѣлымъ свѣтомъ ихъ прославить,
 Отечеству явить любовь.
 Сей холмъ, мнѣ кажется, дымится
 И издаєтъ то стонъ, то ревъ.
 Тамъ въ черной и густой мглѣ зрится
 Орломъ разодранъ шведскій левъ.
 Межъ лаврами на небосклонѣ
 Великій Петръ, съ мечемъ, въ коронѣ,
 Стоя торжественно, онъ зритъ
 Что благодарная Россія
 Его труды, дѣла златыя,
 Не забывая, вѣчно чтить. ¹⁾

Вновь изданныя министерствомъ программы были такъ со-
 гласованы, чтобы начавшій учиться въ начальной школѣ могъ
 постепенно переходить въ болѣе высшую, не подвергаясь экза-
 менамъ. Но гимназіи, куда бы могли перейти окончившіе уѣздное
 училище, въ Полтавѣ не было; о ней то и начинаетъ заботиться
 князь Куракинъ. Онъ прежде всего задумалъ построить для
 гимназіи зданіе, а также и для семинаріи, которую онъ хотѣлъ
 перевести изъ Переяслава. Онъ приобрѣлъ домъ Тишевскаго, гдѣ
 помѣщалась казенная палата, а затѣмъ, намѣтивъ място, обращался
 къ владѣльцу, нѣкоему Драшишевскому, жившему въ Житомирѣ,
 съ просьбою уступить его для учебныхъ заведеній. Сначала онъ
 просилъ подарить его городу, но когда это не удалось, просилъ

¹⁾) Арх. Губ. Правл. № 163 и Гор. Арх. 1802 г.

продать. Драшишевскій сначала не соглашался, такъ какъ думалъ поселить здѣсь своего сына; но кн. Куракинъ настойчиво писалъ ему нѣсколько разъ, угрожая продать его усадьбу для постройки школы, значитъ для просвѣщенія народа и т. под. Въ концѣ концовъ Драшишевскій уступилъ всесильному князю. Перевести семинаріи князь Куракинъ не успѣлъ, а за открытие гимназіи принялъся очень энергично. Городская дума, по предписанію князя, ассигновала на постройку зданій 18750 р. и на первоначальное обзаведеніе 1200 р. с. Первымъ директоромъ гимназіи былъ Иванъ Дмитріевичъ Огневъ. Происходилъ онъ изъ духовного званія, имѣлъ ученую степень магистра. Въ 1806 г. его рекомендовалъ кн. Куракину самъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій. Директоромъ полт. гимназіи Огневъ оставался до 1831 года, когда былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Симбирскъ, откуда въ 1836 году переведенъ въ Казань на постъ управляющаго казенной палатой. Въ 1843 году онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Роменскомъ уѣздѣ, въ имѣніи своей жены. За долголѣтнюю службу ему было Высочайше пожаловано имѣніе въ 2 тыс. десятинъ земли. Скончался онъ 75 лѣтъ, 13 февраля 1852 г., оставивши по себѣ память доброго, хорошаго человѣка. ¹⁾

Гимназія въ Полтавѣ открыта была въ 1808 году. На основаніи «Правилъ», содержаніе ея обходилось въ годъ въ 5250 р., которые распредѣлялись слѣд. образомъ: директоръ получалъ 800 р., 4 учителя по 550 р., 2 преподавателя новыхъ языковъ по 800 р., учитель рисованія 300 р., на библіотеку отпускалось 250 р., содержаніе дома, прислуги и проч. 900.

Цѣлью гимназій, по уставу 1803 г., было подготовлять молодыхъ людей въ университетъ и въ тоже время сообщить имъ свѣдѣнія, «необходимыя для воспитаннаго человѣка». Преподавались въ ней слѣдующіе предметы: латинскій, нѣмецкій и французскій языки, исторія, географія, начальный курсъ философіи и словесныхъ наукъ, курсъ математики чистой и смѣшанной, курсъ

¹⁾ Некрологъ его въ Полт. Вѣд. 1852. № 5.

экспериментальной физики и натуральной исторії, а также начала политической экономії, науки относящихся до торговли, начала технологіи и рисование. Программа, какъ видимъ, была очень обширная. Всѣхъ штатныхъ учителей полагалось четыре: одинъ читалъ латинскій яз. и словесныя науки, другой преподавалъ чистую и смѣшанную математику, а также физику, третій читалъ исторію, географію и начальныя правила философіи, а четвертый—натуральную исторію, (т. е. естест. науки), начальныя правила политической экономії и науки, относящіяся до торговли и технологіи. Помимо ихъ, еще было три учителя: два для новыхъ языковъ, французского и нѣмецкаго, и одинъ преподавалъ рисование. Допускалось обученіе танцамъ, музыкѣ и «тѣлеснымъ упражненіямъ», «если число учениковъ въ гимназіи было достаточно для содержанія сихъ учителей».

Гимназія имѣла только три класса. Число уроковъ въ каждомъ классѣ было 38 ч. въ недѣлю. Начинались они въ 8 ч. утра и продолжались до 12 ч., а затѣмъ съ 2 до 5 ч. Не вдаваясь въ подробности, укажемъ, какъ преподавались нѣкоторые предметы и на что долженъ былъ обращать вниманіе преподаватель. Учитель латинскаго языка долженъ былъ, при преподаваніи грамматики, «пріобщать къ каждому правилу словоисчисление, которое онъ будетъ толковать, примѣры, извлеченія изъ лучшихъ авторовъ, могущихъ занимать понятіе учащихся». Во 2-мъ классѣ должны были читаться авторы «высокаго стиля, постепенно доходя къ раздробленію красоты стиля и объясненій древней исторіи и географіи»; одинъ часъ въ недѣлю учитель долженъ быть заниматься переводами (письм. упражненіями). Въ 3-мъ классѣ уже истолковывались поэты и учитель долженъ былъ «пріобучать учениковъ дѣлать на семь языкѣ сочиненія». И на все это полагалось только три часа въ недѣлю! Другіе три часа въ недѣлю тотъ же учитель посвящалъ на изученіе «отечественной словесности, критикѣ стиля и практическимъ упражненіямъ въ стиляхъ, по правиламъ эстетики». Натуральная исторія (естеств. науки) должна была преподаваться «сообразно съ правилами сельскаго и лѣсного хозяйства»,—это въ первомъ классѣ; а во вто-

ромъ—ученики должны были «усовершенствоваться въ познаніяхъ произведеній трехъ царствъ природы, составляющихъ важный предметъ трудолюбія и торговли Россіи». Новые языки и рисование преподавались четыре часа въ недѣлю. Вообще программы того времени поражаютъ своею обширностью, что сознавалось самимъ министерствомъ, предписывавшимъ «въ виду обширности наукъ преподавать науки съ краткостью и ясностью и имѣть въ виду теорію съ практикой». Для достиженія послѣдней цѣли уставъ вводить «экскурсіи учащихся», о которыхъ нынѣ такъ много пишутъ и даже телеграфируютъ о выѣздахъ такой-то школы для осмотра фабрики, города и т. п., какъ о чемъ-то небываломъ..... «Преподаватели математики, натуральной исторіи и технологіи съ достойнѣйшими изъ своихъ учениковъ во время вакацій будутъ ходить за городъ, и сіе послужить симъ ученикамъ родомъ награжденія.» «Математикъ, гласитъ § 17 «Правиль», долженъ показывать мельницы, гидравлическія машины; учитель естественной исторіи долженъ собирать травы, камни; учитель технологіи, въ зимнее время, долженъ посѣщать съ учениками фабрики, заводы, такъ чтобы «уроки дома по сей части, коихъ описание, ниже рисунки не могутъ дать яснаго и достаточнаго понятія, объяснить практикою.»

Всѣ преподаватели первого числа каждого мѣсяца должны были представлять директору отчеты о пройденныхъ курсахъ, а въ первое воскресенье каждого мѣсяца должны были явиться къ директору и сообщить о прилежаніи учениковъ и свои замѣчанія, мнѣнія, «какимъ бы образомъ сдѣлать ученіе привлекательнѣе, и о удобнѣйшемъ усовершенствованіи способа обученія.» Преподаватели по учебникамъ, одобреннымъ Главнымъ Правленіемъ училищъ. Въ учебникахъ, между печатными листами, должны быть вклѣены бѣлые листы, на которыхъ ученикъ долженъ былъ записывать объясненія и дополненія учителя. По истеченіи недѣли, учитель долженъ былъ просматривать эти записи. Для каждой науки было сдѣлано опредѣленное число шаровъ, означающихъ степень знанія, соответственно важности и обширности науки; по этимъ шарамъ означался успѣхъ учениковъ. Въ

СПИСЬ учениковъ учитель подъ именемъ каждого изъ нихъ долженъ означить число шаровъ, которые онъ заслужилъ успѣхами своими въ каждой наукѣ. Сумма этихъ шаровъ, положенныхъ ученику, должна означать его старшинство. «Опытомъ дознано,—читаемъ въ уставѣ,—что таковыя мѣры, открывая успѣхи каждого ученика, служать къ возбужденію въ нихъ соревнованія.» Сколько именно полагалось шаровъ, въ уставѣ указаній нѣть. Лучшимъ ученикамъ давали награды или, какъ тогда говорили, «призы».

Полтавская гимназія помѣщалась сначала въ домѣ, гдѣ было уѣздное училище, пока не было окончено для нея зданіе. ¹⁾

Кромѣ гимназіи, при князѣ Куракинѣ былъ учрежденъ еще «домъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ», какъ въ Полтавѣ, такъ и въ Черниговѣ. Проектъ этой школы, по предложенію кн. Куракина, былъ составленъ известнымъ авторомъ «Ябеды» В. В. Капнистомъ, исполнявшимъ нѣкоторое время обязанности директора училищъ Полтавской губерніи. Въ проектѣ этомъ высказано не мало интересныхъ взглядовъ, почему и считаемъ не лишнимъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе. Графъ Капнистъ, въ письмѣ къ кн. Куракину, такъ мотивировалъ необходимость подобныхъ школъ: «Вы изволите знать, сколь мало въ краѣ семь великопомѣстныхъ дворянъ и какое множество по заслугамъ своихъ предковъ известныхъ родовъ преждевременностю времени въ весьма бѣдное состояніе пришли; одно личное по-томковъ ихъ отличіе можетъ ихъ возстановить, а хорошее воспитаніе къ тому единственнымъ средствомъ». По проекту, школа устраивалась для 200 дворянскихъ дѣтей, изъ которыхъ 50, самыхъ бѣдныхъ, были полными стипендіатами, а остальные 150 пансионеровъ были раздѣлены на 6 разрядовъ и вносили плату, сообразно количеству душъ, владѣемыхъ ихъ отцами. Такъ, дво-

¹⁾ Арх. Губ. Правленія, № 206, № 277. № 164. Арх. Губ. Земства, № 23. Къ сожалѣнію, въ архивѣ гимназіи, какъ заявилъ наимъ директоръ ея И. Д. Марьевичъ, не сохранились дѣла ранѣе 1830-хъ годовъ.

рянинъ, имѣвшій 50 д., платилъ за сына 25 р., отъ 50 до 100 д.—50 р., отъ 100 до 200 д.—75 р., отъ 200 до 300 д.—100 р., отъ 300 до 400 д.—125 р., отъ 400 и болѣе д.—150 р.

Допускались и приходящіе воспитанники, изъ коихъ 10 принимались бесплатно, а остальные платили по 50 р. въ годъ. Уставъ допускалъ и разночинцевъ, а потому въ училищѣ было два отдѣленія: одно для дворянъ, а другое для разночинцевъ, при чемъ гр. Капнистъ не считалъ возможнымъ совершенно отдѣлить дворянскихъ дѣтей: «пансионеры,—говорить онъ,—по роду ихъ состоянія должны быть нераздѣльно съ воспитанниками и никакой особенности въ положеніи себя не требовать».

Сравнительно съ другими школами того времени, гр. Капнистъ въ проектѣ своемъ хотѣлъ поставить дѣло образованія широко. Кроме предметовъ общаго образованія, по его проекту, еще вводилось преподаваніе артиллеріи, фортификаціи, рисованія, архитектуры а также и законовѣданіе. Сверхъ того онъ считалъ необходимымъ обученіе танцамъ, музыкѣ и верховойѣздѣ. По характеру предметовъ, школа эта была смѣшаніемъ свѣтскаго учебнаго завѣденія съ военнымъ, какимъ былъ въ то время кадетскій корпусъ. Это подтверждается и тѣмъ, что гр. Капнистъ проектировалъ устройство «роты экзерциціи изъ лучшихъ учениковъ, которые, по преимуществу, лѣтомъ, и должны были заниматься экзерциціями». Окончивши съ успѣхомъ курсъ этой школы награждались «оберъ-офицерскими военной и штатской службы чинами». Во главѣ такой школы былъ директоръ и его помощникъ инспекторъ, которые должны быть съ учениками неотлучны, ибо, «всегдашнее съ воспитанниками пребываніе обеспечить успѣхъ сего заведенія». Экзамены, по мысли графа Капниста, должны быть устраиваемы по преимуществу, когда бываютъ съѣзды дворянъ, «всего благородного общества», и это для того, «чтобы сколько можно чаще открыты были успѣхи учениковъ и доброе надзираніе директора и труды учителей». Такъ сознавалъ въ то время гр. Капнистъ необходимость общенія школы съ обществомъ. Въ этомъ направленіи его проектъ идетъ еще дальше. Самая школа была подчинена надзору дво-

рянскаго собранія, избиравшаго изъ своей среды особый комитетъ, которому директоръ представлялъ отчеты о состояніи заведенія. Этому комитету только, а не администраціи школы, предоставлено было право уволить воспитанника. Содержаніе школы было слѣдующее: на пищу, одежду и вообще содержаніе воспитанниковъ ассигновалось 15 тыс. р., а на учебную часть 28,450 р. Средства—исключительно дворянскіе взносы.

Кн. Куракинъ вполнѣ одобрилъ проектъ и очень благодарили графа Капниста за его составленіе. Проектъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе уѣздныхъ дворянскихъ собраній, вполнѣ одобравшихъ его. Собранія дворянъ благодарили князя за его заботы о нихъ, а одно изъ нихъ (въ дѣлахъ не упомянуто, какое именно) титуловало князя Куракина «Меценатомъ и благодѣтелемъ малороссіянъ». Относительно размѣра обложенія помѣщиковъ съ цѣлью изыскать средства для названной школы, уѣздныя собранія разошлись. Полтавское, константиноградское и гадачское дворянство порѣшили вносить по 50 к. съ каждой ревизской крестьянской души, пирятинское и хорольское по 23 к., роменское по 5 к., а остальные рѣшили внести единовременно извѣстную сумму. По полученіи отвѣтовъ о рѣшеніи уѣздныхъ дворянскихъ собраній, было созвано въ началѣ 1805 г. губернское дворянское собраніе, на которомъ губернскій предводитель Чарнышъ предложилъ однообразный взносъ, по 50 к. съ души, но противъ этого энергично возражали дворяне лубенскаго уѣзда, такъ какъ, говорили они, «не имѣвъ свѣдѣнія, сколько необходимо на то училище суммы, и ассигновать оной не имѣютъ удобности». Не встрѣчая въ собраніи единогласнаго рѣшенія,—въ собраніи, кстати сказать, экстренному,—губернскій предводитель внесъ новое предложеніе: ходатайствовать передъ правительствомъ о займѣ 600 тысячъ рублей съ разсрочкою платежа на 20 лѣтъ. Но противъ этого энергично возсталъ графъ Капнистъ, убѣдившій собраніе отложить рѣшеніе этого вопроса до осени, до созыва очередного дворянскаго собранія. Губернское собраніе, созванное въ октябрѣ того же года, отклонило проектъ о правительственномъ

займѣ 600 тыс.¹⁾ и порѣшило вносить въ теченіе двухъ лѣтъ по 25 к. съ души, а по прошествію этого времени вносить въ теченіе десяти лѣтъ по 5 к., что должно составить капиталъ до 300 тысячъ р., на проценты съ котораго и возможно было содержать «домъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ».

Дворянское училище не было самостоятельной школой, оно сдѣлалось интернатомъ, въ которомъ жили дѣти дворянъ и отсюда ходили учиться въ гимназію. Комплектъ его былъ въ 50 человѣкъ, но на дѣлѣ ихъ всегда было больше. Первымъ директо-ромъ, по избранію губернатора, былъ совѣтникъ казенной палаты Лобановъ. Этотъ выборъ былъ «съ удовольствіемъ одобренъ» кн. Куракинымъ. У Лобанова еще было три помощника, въ числѣ коихъ, при генераль-губернаторѣ кн. Репнинѣ, былъ И. П. Котляревскій. Директоръ получалъ жалованья 500 р., а его помощники, которыхъ называли надзирателями, получали по 250 р. Въ числѣ первыхъ надзирателей встрѣчаемъ частнаго пристава Полтавы, Семенова, назначенаго кн. Куракинымъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Семеновъ служилъ въ военной службѣ.

«Домъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ» помѣщался сначала въ домѣ врача Тишевскаго, купленномъ Куракинымъ за 8 тыс. р., а затѣмъ былъ переведенъ въ домъ, гдѣ нынѣ женская гимназія. Просуществовалъ онъ до 1841 года, т. е. ~~до~~ открытия при полтавской гимназіи пансіона, куда и были переведены воспитанники «дома для воспитанія бѣдныхъ дворянъ».

Полтавское дворянство, цѣня заслуги князя Куракина по учрежденію этого «дома», поднесло ему золотую табакерку. Кн. Куракинъ, желая и съ своей стороны оказать вниманіе дворянству, принялъ на свое иждивеніе содержаніе 20-ти воспитанниковъ изъ дѣтей бѣдныхъ дворянъ. Добрый починъ князя вызвалъ подражаніе: его супруга, княгиня Наталия Ивановна воспитывала на свой счетъ одного пансіонера; уѣздный предводитель Ко-чуబей и миргородскій помѣщикъ Трощинскій, впослѣдствіи ми-

¹⁾ Произнесенная Капнистомъ въ этомъ собраніи рѣчь напечатана въ Киевской Старинѣ 1886 г., декабрь стр., 717—722.

нистръ юстиції, содержали по два пансионера. При «домъ» была устроена больница, гдѣ врачомъ былъ знакомый уже намъ Кондура. Таковы были заботы князя Куракина объ образованіи и о школахъ.¹⁾.

Этимъ мы оканчиваемъ обзоръ дѣятельности князя Куракина, пробывшаго въ Полтавѣ съ половины 1802 года по 1 января 1808 г. Несмотря на кратковременность его управлениія, слѣдуетъ признать, что имъ очень многое сдѣлано для Полтавы.

И. Ф. Павловскій.

---

¹⁾ Арх. Губ. Земства, № 26, 100. Арх. Губ. Правл., № 136, 196. Указы 1804 г. въ Арх. Губ. Земства.